

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Понятие и виды преступлений против собственности»

Студент

Д.Э. Николаев

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, О.Ю. Савельева

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Понятие и виды преступлений против собственности в российском и зарубежном уголовном праве	10
1.1 Понятие и виды преступлений против собственности в российском уголовном праве	10
1.2 Понятие и виды преступлений против собственности в зарубежном уголовном праве	22
Глава 2 Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества	32
2.1 Проблемы квалификации ненасильственных форм хищения	32
2.2 Проблемы квалификации насильственных форм хищения	41
Глава 3 Проблемы квалификации преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества	49
3.2 Проблемы квалификации угона	57
3.3 Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием	63
Заключение	69
Список используемой литературы и используемых источников	75

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена высокой значимостью сложившихся в обществе отношений собственности, охране и защите которой уделено значительное внимание со стороны государства. Конституция Российской Федерации [40] устанавливает, что государство гарантирует и равным образом защищает все формы собственности; каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Необходимо помнить о том, что отношения собственности включают в себя и экономический, и юридический аспекты. Совершая преступление против собственности, преступник нарушает оба эти аспекта, поскольку, с одной стороны, прекращает юридическую связь собственника (законного владельца) с вещью, а с другой стороны, присваивает материальные блага.

К сожалению, в настоящее время приходится констатировать тот факт, что статистика совершения преступлений против собственности неуклонно растет; преступлений против собственности, направленных на хищение имущества, совершается все больше. Для охраны и защиты отношений собственности предусмотрен уголовно-правовой механизм. Однако, следует отметить, что не всегда данный механизм успешно реализуется. Полагаем, это связано в том числе и с недостаточностью и неэффективностью правовых механизмов защиты права собственности, что позволяет нарушать нормы, более того, избегать ответственности (полностью или частично) за это. Осложняет проблематику исследования преступлений против собственности и обилие проблем квалификации преступлений данной категории.

Преступления против собственности в наиболее общем виде можно определить как предусмотренные статьями гл. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [82] общественно опасные деяния (действия или бездействие), осуществляемые умышленно или по

неосторожности, посягающие на чужую собственность и причиняющие материальный ущерб собственнику или иному владельцу материальных благ.

Система преступлений против собственности включает:

- хищение чужого имущества (см. ст.ст. 158, 159 (частично), 160-162, 164 УК РФ);
- преступления, не связанные с хищением, которые могут иметь корыстный мотив (см. ст. 159 (частично), 163, 165 УК РФ) и не иметь его (см. ст.ст. 166-168 УК РФ).

Общественная опасность данных преступлений заключается в подрыве гарантированного государством права частной, государственной, муниципальной, иной формы собственности. Наиболее распространёнными посягательствами против собственности являются хищения, что, в частности, подтверждается официальной статистикой, опубликованной на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. К примеру, за первое полугодие 2020 года за кражу было осуждено 76176, за мошенничество – 11277, за мелкое хищение – 2643 человек. Эти цифры неуклонно растут.

Следует также обратить внимание на то, что с момента принятия нового УК РФ прошло более двадцати лет, кардинально изменились основы общественной жизни России, экономики, отношения собственности. В статьи, посвященные преступлениям против собственности, неоднократно вносились изменения, которые касались в основном, изменения объема наказаний и расширение объективной стороны. Этот процесс не останавливается, многие положения закона по-прежнему требуют обновления. Все это актуализирует проблемы научного переосмысления, законодательных положений и практики применения уголовного закона.

Результаты анализа действующих норм российского уголовного законодательства об ответственности за преступления против собственности, а также материалы судебной практики, доктринальные разработки свидетельствуют о нескольких вещах: об искусственном создании конкуренции между квалифицированным и особо квалифицированным

составами кражи, что по нашему мнению приводит к нарушению единообразия судебной практики и большому количеству апелляционных обжалований; об отклонении линии российского законодательства в сторону англо-американской правовой семьи; о некорректном соединении законодателем в ст. 159 УК РФ общих и специальных положений; об искусственном усложнении правовой регламентации угона и т.д.

Все это свидетельствует о том, что недостатки правового регулирования оказывают решающее воздействие на сложившиеся общественные отношения, препятствуя надлежащей охране и защите общественных отношений в рассматриваемой сфере.

На основании изложенного считаем, что внесение изменений в действующее законодательство будет способствовать позитивному изменению практики применения норм об ответственности за преступления против собственности, а также исключит некоторые проблемы квалификации преступлений, которые будут подробно рассмотрены в настоящей выпускной квалификационной работе.

Объектом настоящей выпускной квалификационной работы является совокупность общественных отношений собственности, подвергаемых преступным посягательствам.

Предмет исследования – выступают урегулированные нормами уголовного законодательства отношения собственности, судебная практика и научные концепции по данному вопросу.

Целью представленной работы является исследование понятия и видов преступлений против собственности, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации.

Исходя из представленной цели, **задачами** являются:

- изучить понятие, признаки преступлений против собственности в российском и в зарубежном уголовном законодательстве;
- исследовать основные виды преступлений против собственности в российском и зарубежном уголовном законодательстве;

- рассмотреть преступления, связанные и не связанные с хищением по российскому уголовному законодательству;
- рассмотреть корыстные и некорыстные преступления против собственности по российскому уголовному законодательству;
- проанализировать некоторые проблемы, возникающие при квалификации таких преступлений против собственности, как вымогательство, угон, причинение имущественного вреда путем обмана или злоупотребления доверием.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: императивный, диспозитивный, сравнительный, логический, системный и статистический.

Нормативно-правовую базу исследования составляют: Конституция Российской Федерации от 12.12.1993, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30.11.1994, Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. Кроме того, были проанализированы международные правовые акты: Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Помимо нормативных правовых актов правовую основу составили акты Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ. В тексте выпускной квалификационной работы присутствуют материалы судебной практики высших судов РФ, судов Самарской области.

Теоретическую основу работы составили труды таких авторов, как А.Г. Безверхов, И.А. Бобраков, О.П. Грибунов, В.В. Касьянов, С.М. Кочои, И.Я. Козаченко, К.Д. Николаев, М.П. Журавлева, А.И. Рарог, В.В. Сверчков, В.В. Хилюта, С.В. Юношев и др.

Методологической основой исследования являются общенаучные методы, такие как: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный и функциональный подходы, а также частно-научные методы – структурный, формально-юридический, исторический.

Научная новизна работы состоит в предпринятой попытке комплексного исследования преступлений против собственности в уголовном праве России, отражении основных проблем и предложении путей их решения.

Практическая значимость данной выпускной квалификационной работы содержится в выводах и предложениях относительно совершенствования российского уголовного законодательства.

Положения, выносимые на защиту:

1. В настоящее время преступления против собственности в российском уголовном праве можно охарактеризовать как предусмотренные статьями гл. 21 УК РФ общественно опасные деяния (действия или бездействие), осуществляемые умышленно или по неосторожности, посягающие на чужую собственность и причиняющие материальный ущерб собственнику или иному владельцу материальных благ.

2. В российском уголовном праве существует достаточно обширная классификация преступлений против собственности. Учитывая указанные критерии и особенности, предлагается следующая классификация преступлений против собственности: корыстные и некорыстные; корыстные, в свою очередь, делятся на связанные с незаконным обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц и не связанные с таким обращением. В работе приведены иные классификации преступлений против собственности, обосновывается теоретическая и практическая значимость именно такого подхода.

3. Подходы к понятию и системе преступлений против собственности в разных странах имеют свои особенности, связанные главным образом с историческими факторами и отнесению стран к той или иной правовой семье. В настоящей выпускной квалификационной работе рассмотрены особенности преступлений против собственности по уголовному праву зарубежных стран, в том числе была проанализирована система преступлений против собственности по уголовному праву Англии, США,

ФРГ и КНР. Сделан вывод о необходимости обращаться к зарубежному опыту для решения определенных проблем.

4. Несмотря на разъяснения Постановления Пленума [62] по вопросу критериев тайности при совершении кражи, следует согласиться с мнением исследователей, которые считают, что при оценке предусмотренных в нем критериев необходимо иметь в виду, что приоритет при определении признаков кражи должен быть отдан субъективному критерию, то есть, главным образом, умыслу преступника. Что же касается момента окончания кражи, то в некоторых случаях кражу следует трактовать как оконченную с момента изъятия имущества, поскольку субъекту преступления никто не препятствует распорядиться имуществом сразу после совершения кражи.

5. При квалификации грабежа ключевое значение имеет только признак открытости. Вместе с тем, по мнению автора выпускной квалификационной работы, есть необходимость в том, чтобы дополнить грабеж квалифицирующим признаком «совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем» для того, чтобы ужесточить ответственность за подобный состав. В работе также обосновывается, что разбой и насильственный грабеж тождественны по объекту преступления, поэтому следует любое нападение причислять к статье 162 УК РФ.

6. Одна из типичных проблем при квалификации вымогательства вызвана отсутствием в основном составе вымогательства прямого указания на корыстную цель. Мы предлагаем нормативно закрепить, в рамках основного состава вымогательства, указание на цель, имеющую строго корыстную направленность: включение такого признака поможет избежать ошибок в квалификации. Отражение корыстной цели, как неотъемлемого свойства вымогательства, в совокупности с другими признаками, указывает на общественную опасность преступления. Кроме того, поможет в отграничении этого деяния от преступлений, сходных с вымогательством по объективным признакам.

7. Для решения проблем квалификации угона предлагается изложить ч. 1 ст. 166 УК РФ в следующей редакции: «1. Неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством без цели хищения (угон) - ...». Необходимо это для обозначения предмета угона. Что же касается отграничения угона от простой кражи, то для нивелирования проблем квалификации угона в работе предлагается дополнить ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком «кража транспортного средства», либо ввести новую статью «Хищение автомобиля или иного транспортного средства», которую необходимо включить в гл. 21 «Преступления против собственности».

8. В ходе анализа основных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ проведено соотношение и разграничение признаков причинения имущественного ущерба с иными составами преступлений, предусмотренными ст.ст. 159, 166, 176, 185, 201, 202, 285, 292, 194, 198, 199 УК РФ. В результате сравнения перечисленных составов преступлений установлено, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, без признаков хищения, не предусматривает признак изъятия и приобретения в свою пользу чужого имущества.

Структуру работы определили цели и задачи выпускной квалификационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие и виды преступлений против собственности в российском и зарубежном уголовном праве

1.1 Понятие и виды преступлений против собственности в российском уголовном праве

Поскольку родовым объектом для всех преступлений против собственности (преступлений, предусмотренных гл. 21 Уголовного кодекса РФ) [82] является собственность, то необходимо определить сущность данного института для уяснения вопроса о том, какие преступления посягают на данный объект. Важно это еще и потому, что, будучи объектом преступления, собственность представляет собой многогранное, сложное явление, для уяснения сущности которого, необходимо обратиться к гражданскому законодательству, а в некоторых вопросах – к экономическим наукам.

В соответствии с Конституцией РФ [40], собственность представляет собой неотъемлемую часть прав гражданина, а все формы собственности признаются и подлежат защите в равной степени. Именно поэтому собственность представляет собой объект уголовно-правовой охраны, за преступления против собственности предусмотрена уголовная ответственность (ст.ст. 158-168 Главы 21 УК РФ).

Что касается понятия категории «собственность», то в правовой доктрине данное понятие представляется многогранным, собственность является объектом исследования права, экономики, социологии, философии и т.д. Соответственно, каждая из данных наук имеет свои подходы к определению данного понятия и его сущности. Для данной выпускной квалификационной работы представляется необходимым рассмотреть понятие собственности с точки зрения уголовного права. Вместе с тем, для всестороннего и полного анализа преступлений против собственности

необходимо обратиться к сущности собственности в ее экономическом и юридическом аспекте.

Так, правовое регулирование собственности содержится в гражданском законодательстве, в первую очередь в ГК РФ [29]. В гражданском законодательстве рассматривается право собственности. Проблема определения права собственности связана еще и с тем аспектом, что любое формальное определение ограничивает собственность определенным образом, что по нашему мнению представляется не вполне верным. Вместе с тем, системность знаний является базовым критерием любой науки, в том числе и правовой.

Итак, в настоящее время широкое распространение получили следующие подходы к понятию собственности [79, с. 19]:

- собственность как продолжение личности человека в вещах, выражение его качеств и свойств,
- собственность как результат (процесс) присвоения ресурсов,
- собственность как юридическое и экономическое отношение к вещи как к своей и т.д.

Как указывает Е.А. Суханов, «в отечественной юридической литературе отношения собственности характеризуются двояко: во-первых, как отношение лица к имуществу (материальным благам) как к своему, присвоенному, поскольку его можно непосредственно использовать по своему усмотрению и в собственных интересах (вещественная сторона отношений собственности); во-вторых, как отношение между людьми по поводу этого имущества, которое состоит в том, что лицу, присвоившему конкретный объект, другие лица не должны препятствовать в его самостоятельном использовании, а лицо может отстранять или допускать этих лиц к его использованию, в том числе путем заключения различных договоров (общественная сторона отношений собственности)» [79, с. 156].

Отношения собственности характеризуются тремя основными правомочиями: владения, пользования и распоряжения. Нарушение одного из

данных правомочий приводит в работу уголовно-правовой механизм, призванный защитить собственность. Для этого уголовное законодательство предусматривает ответственность за преступления против собственности. Итак, к преступлениям против собственности следует относить те преступления, которые посягают на отношения собственности.

Преступления против собственности в российском уголовном праве на протяжении всей истории трансформировались, имел место процесс криминализации и декриминализации отдельных норм. Это связано с тем, что менялось само отношение к собственности в ее гражданско-правовом смысле.

Современный подход на преступления против собственности, который отражен в нормах действующего УК РФ, существенно отличается от правового регулирования, действующего до его принятия. Вместе с тем, по-прежнему остался ряд нерешенных проблем, которые будут затронуты в настоящей выпускной квалификационной работе. Данный факт обуславливает необходимость дальнейшего изучения преступлений против собственности.

Собственность с точки зрения УК РФ является тем родовым признаком, который объединяет в себе преступления, содержащиеся в гл. 21. Собственность – явление многогранное, включающее в себя как юридический, так и экономический аспект. В экономическом смысле собственность представляет собой комплекс отношений между человеком (группой людей) и объектом материального мира, как правило, имеющем ценность. Отношения собственности образуют своеобразные связи, включающие в себя владение, пользование и распоряжение. Другими словами, такие отношения можно охарактеризовать как меру обладания объектом со стороны субъекта. Отношения собственника к «своей вещи» (субъектно-объектные) служат материальной предпосылкой отношений между субъектами собственности. Соответственно, важной составляющей

категории собственность является отношение не собственников к вещи как к чужой (абсолютные правоотношения).

Преступления против собственности характеризуются высокой степенью общественной опасности, которая выражается в том, что нарушаются отношения принадлежности вещи. Результатом совершения преступлений против собственности является также имущественный ущерб, утрата определенных материальных благ, порча свойств вещей. Помимо этого, собственник больше не может владеть, пользоваться и распоряжаться вещью. Напротив, субъект, который совершил преступление против собственности, становится незаконным обладателем вещи, который фактически определяет ее юридическую судьбу, относится к ней как к своей, извлекает выгоду.

Юридическую сторону преступлений против собственности составляют нарушение ее юридического содержания, то есть правомочий по владению, пользованию и распоряжению. Причем происходит это всегда принудительно. Даже в тех случаях, когда имеют место преступления против собственности, не связанные с хищением, можно утверждать, что собственник «расстается» с принадлежащей ему вещью не добровольно. Правомочия владения, пользования и распоряжения де-юре существуют, но на деле не могут быть исполнены.

Имущество как предмет преступления против собственности не раскрывается в уголовном законодательстве. Для уяснения данной категории необходимо обратиться гражданскому законодательству. Так, в соответствии с ГК РФ, имущество:

- отдельные вещи или их совокупность (ч. 2 ст. 15, ч. 2 ст. 46 ГК РФ);
- вещи, деньги и ценные бумаги (ч. 1 ст. 302, ч. 1 ст. 307 ГК РФ);
- совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав и обязанностей субъектов (ч. 2 ст. 63 ГК РФ).

Итак, подход к содержанию такого термина, как «имущество», в гражданском законодательстве весьма широк. В содержание данного понятия

входят не только объекты вещного права, но и обязательственного. Вместе с тем, как справедливо отметил В.А. Дозорцев, право собственности уже, чем имущественные права [31, с. 62].

Свидетельствует о распространении категории «собственность» только на имущество еще и нормы о случайной гибели вещи (ст. 211 ГК РФ), нормы о вещных правах (ст. 216 ГК РФ), способах защиты собственности. Итак, для целей настоящего исследования имущество следует представлять как предмет преступлений против собственности, относя к нему предметы материального мира, по поводу которых возникли правомочия владения, пользования и распоряжения.

Специальная литература, в которой исследуются проблемы классификации преступлений против собственности, приводит различные основания для классификации данной группы преступлений [60, с. 296]. Так, основаниями классификации чаще всего являются:

- способ завладения имуществом;
- характеристика и стоимость предмета преступления;
- мотивы преступления;
- степень тяжести;
- субъективное отношение лица к совершенному деянию.

Необходимо отметить, что среди данных классификационных критериев некоторые не вызывают сомнения, применяются ко всей системе преступлений, предусмотренных российским уголовным законодательством, в целом. В частности, такую оценку можно дать критерию степени тяжести. Именно поэтому в целях настоящего исследования возникает необходимость рассмотреть классификации, отвечающие особенностям преступлений против собственности для системного понимания данной категории преступлений и выявления проблем квалификации отдельных преступлений против собственности. Преступления против собственности имеют свои особенности, которые выражаются в способе совершения преступного посягательства, мотиве и цели деяния.

Преступления против собственности по УК РФ следует подразделять на несколько групп:

- хищения (кража (ст. 158 УК РФ), мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ));
- мошенничество (ст.ст. 159-159.6 УК РФ), присвоение (ст. 160 УК РФ), растрата (ст. 160 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ));
- корыстные преступления против собственности, не являющиеся хищением (вымогательство (ст. 163 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ)) [15, с. 19].
- некорыстные посягательства на собственность (умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ)).

Как мы видим, критерий наличия хищения в составе преступления является одним из самых распространенных. Классификация преступлений против собственности в зависимости от способа его совершения представляется автору настоящей работы наиболее точной.

Названные группы преступлений имеют свои особенности, которые выражаются при квалификации данных деяний. Это обусловлено двойственным содержанием собственности, которая имеет экономический и юридический аспект. Фактически, преступления против собственности нарушают и юридическое, и экономическое содержание. Приходится констатировать, что количественные показатели преступлений против собственности достаточно велики, при этом способы совершения

преступлений данной категории только совершенствуются, что свидетельствует о необходимости разработки механизма, который способствовал бы уменьшению роста преступлений против собственности. Достичь данной цели можно, в том числе, благодаря совершенствованию норм уголовного законодательства [69, с. 96].

Итак, необходимо определить, что представляет собой понятие «хищение». В советской доктрине данному вопросу уделялось немало внимания. В настоящее же время в основу существующей законодательной дефиниции легли данные исследования советских авторов: Куринова Б.А. [51], Сергеевой Т.Л. [72], Алексеева С.С. [2] и других. Для определения понятия хищения необходимо было охарактеризовать все присущие ему признаки, что и было сделано. Из текста примечания 1 к ст. 158 УК РФ следует, что хищение (в любых его формах) представляет собой:

- противоправное деяние;
- изъятие имущества из владения собственника или иного лица;
- обращение имущества в пользу виновного или других лиц;
- безвозмездное изъятие имущества, обращение его в пользу виновного или других лиц, причиняющие ущерб собственнику или иному владельцу имущества;
- изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, совершаемые с корыстной целью.

Весьма распространена классификация преступлений против собственности по критерию мотива. В соответствии с критерием мотива, преступления против собственности следует подразделять на корыстные и некорыстные [22, с. 19]. Критерием для подобной классификации называют «наличие или отсутствие корыстного мотива» [24, с. 122]. Другими словами, в основе данной классификации лежит мотив, а иногда цели [25, с. 18].

Классификация преступлений против собственности по критерию насильственного состава встречается в научной литературе достаточно редко. Этот факт обусловлен тем, что преступления против собственности

имеют один непосредственный объект преступления – собственность, которая представляет собой определенное имущество, материальные блага. Выделяя критерий насильственности совершения преступления против собственности (классифицируя по способу совершения деяния), уделяется внимание второстепенным аспектам совершения деяния, что по нашему мнению нецелесообразно и неточно.

Э.А. Тенчов выделяет по критерию непосредственного объекта следующие преступления:

- хищения (ст. 158-162, 164);
- иные преступления, направленные к извлечению имущественных выгод (ст. 163, 165);
- преступления, не направленные на извлечение имущественных выгод (ст. 166-168). [81, с. 63]

По мнению С.М. Кочои, в данной классификации акцентируется внимание на экономической составляющей собственности, что не совсем точно для целей исследования уголовно-правовой категории. Он считает, что несмотря на обилие мнений в научной литературе по вопросу объекта преступлений против собственности, самый логичный подход освещает преступления против собственности как нарушение субъективных прав [43, с. 54].

По мнению Л.Д. Гаухмана, преступления против собственности следует классифицировать в зависимости от способа его совершения. Вместе с тем, в отличии от подразделения преступлений против собственности в зависимости от совершения насилия, данный автор акцентирует внимание на способе завладения, причем последствия отражаются на имуществе, а не на потерпевшем:

- преступления, совершенные с хищением (ст. 158-162, 164);
- иные способы завладения имуществом (ст. 163, 165, 166);
- уничтожение или повреждение имущества (ст. 167-168).

По нашему мнению, недостатком данной классификации можно назвать то, что признак завладения следует относить только к одному составу преступления (ст. 166 УК РФ). По отношению к другим составам приходится устанавливать не только завладение, но и использования предмета хищения.

С.М. Кочои приводит для анализа еще одну классификацию преступлений против собственности (хищения, имущественный ущерб, уничтожение имущества). По его мнению, данная классификация имеет существенный недостаток. Так, вторую группу преступлений автор выделяет по критерию последствия, что не отражает специфики вымогательства и угона, последствия совершения которых не входит в состав преступления, поскольку такие преступления считаются оконченными с момента их совершения [43, с. 76].

С.М. Кочои предлагает собственную классификацию преступлений против собственности:

- 1) корыстные преступления против собственности:
 - хищение (ст.ст. 158-161, 164);
 - корыстные преступления против собственности, не содержащие признаков хищения (ст.ст. 162, 163, 165);
- 2) некорыстные преступления против собственности:
 - угон (ст. 166);
 - уничтожение или повреждение чужого имущества (ст.ст. 167, 168) [43, с. 79].

По нашему мнению, данная классификация весьма спорна, особенно в части неотнесения угона к корыстным преступлениям. Даже несмотря на позицию законодательства относительно того, что корыстная цель для данного преступления не обязательна, полагаю, на практике дела обстоят иначе.

Единственной классификацией, в которой в какой-то степени рассматривается данный вопрос, является исследование С.М. Кочои, который в соответствии со ст. 15 УК РФ, корыстные преступления против

собственности в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяет на преступления небольшой тяжести, преступления средней тяжести, тяжкие преступления и особо тяжкие преступления.

К преступлениям небольшой тяжести относится причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, предусмотренное ч. 1 ст. 165 УК РФ.

К преступлениям средней тяжести относятся преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 158-161, 163, ч. 2 и 3 ст. 165 УК РФ.

К тяжким преступлениям относятся преступления, предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 158-160, ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162, ч. 2 ст. 163, ч. 1 ст. 164 УК РФ.

К особо тяжким преступлениям относятся преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 161, ч. 2 и 3 ст. 162, ч. 3 ст. 163, ч. 2 ст. 164 УК РФ.

Виды преступлений против собственности, предметом которых являются объекты вещного права:

- кража (ст. 158 УК РФ);
- мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158.1 УК РФ);
- мошенничество (ст. 159 УК РФ);
- мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ);
- мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ);
- мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ);
- мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ);
- мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ);
- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ);
- грабеж (ст. 161 УК РФ);
- присвоение (ст. 160 УК РФ);
- растрата (ст. 160 УК РФ);

- разбой (ст. 162 УК РФ);
- хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ);
- умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ);
- уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ).

Преступления против собственности, предметом которых могут быть также имущественные права, другие объекты гражданских прав, включая работы, услуги [30, с. 41]:

- мошенничество (ст. 159 УК РФ);
- мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ);
- мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ);
- мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ);
- вымогательство (ст. 163 УК РФ);
- причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ).

Данная классификация интересна для научных и учебных целей, однако, по нашему мнению, применить ее на практике нецелесообразно, и даже невозможно. Во-первых, сама категория «вещное право» – гражданско-правовая, а не уголовно-правовая. Во-вторых, выделение данных групп бессмысленно при квалификации.

Итак, в настоящее время в науке уголовного права активно исследуется вопрос о классификации преступлений против собственности. Вместе с тем авторы не могут прийти к единому мнению по данному вопросу, проблемы вызывает, главным образом, классификация имущественных преступлений. Несмотря на то, что данные преступления имеют один общий родовый объект (собственность), вопросы определения объекта хищения по-прежнему

актуальны. Чаще всего объект хищения рассматривается как объект собственности. В этой связи наиболее простой классификацией преступлений против собственности является деление данных преступлений на корыстные и некорыстные [60, с. 297].

Таким образом, в настоящее время существует достаточно обширная классификация преступлений против собственности. Учитывая указанные критерии и особенности, предлагается следующая классификация преступлений против собственности: преступления, связанные с хищением чужого имущества, и преступления, не связанные с хищением. Целесообразно в данной классификации выделить еще насильственные и ненасильственные преступления против собственности. Обычно они связаны с хищением чужого имущества. Именно такой подход должен быть положен в основу построения системы преступлений против собственности, поскольку такая классификация лучше всего отражает наличие факта завладения собственностью. По нашему мнению, классификация по критерию корыстного мотива не в полной мере отражает систему преступлений против собственности по действующему уголовному законодательству, поскольку мотив в составе преступления обычно является факультативным признаком субъективной стороны. Выделение преступлений против собственности в зависимости от тяжести совершенного деяния также нецелесообразно, поскольку при данной классификации утрачиваются особенности преступлений против собственности, данная классификация не отражает основных признаков преступлений данной группы. Извлечение имущественной выгоды – важный критерий для классификации преступлений против собственности, однако данную классификацию весьма трудно применить на практике, поскольку зачастую вопросы извлечения выгоды остаются за пределами квалификации преступлений, поскольку понятие «выгоды» представляется относительным и не универсальным.

Таким образом, в основу исследования положен критерий способа совершения преступления против собственности: преступления, связанные с хищением чужого имущества и преступления, не связанные с хищением чужого имущества. Таким образом, в целях настоящего исследования будет применена данная классификация. К сожалению, обилие проблемных вопросов при квалификации преступлений против собственности обуславливает необходимость дальнейшего исследования данной категории преступлений.

1.2 Понятие и виды преступлений против собственности в зарубежном уголовном праве

Проблематику понятия и видов преступлений против собственности следует рассматривать системно, опираясь не только на российское уголовное законодательство, но и на уголовное право зарубежных стран, международные нормативные правовые акты. Только рассматривая преступления против собственности в системе, исследуя всесторонне вопросы правового регулирования, можно уяснить сущность данного института.

В настоящее время практически все государства имеют национальную правовую систему. Вместе с тем, поскольку право развивалось под влиянием ряда факторов на протяжении длительного времени, каждая из национальных систем имеет схожие черты с другими, что обуславливает существование «правовых семей».

В настоящее время существует общепризнанная типология, в соответствии с которой все национальные правовые системы можно объединить в следующие семьи: романо-германская правовая семья, англосаксонская правовая семья, социалистическая правовая семья, религиозные правовые семьи, в частности мусульманская правовая семья, и

некоторые другие. Немаловажную роль в данном разделении играет уголовное право [65, с. 29].

Что касается англосаксонской правовой системы, то ее зарождение связано с английской колониальной системой и до настоящего времени страны-бывшие колонии Англии используют англосаксонскую систему права. Она распространена в таких странах, как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Пакистан, государствах Африканского континента. Для данной системы характерно отсутствие кодифицированного законодательства, однако некоторые страны в настоящее время уже приняли уголовные кодексы. Обратимся к характеристике понятия и видов преступлений против собственности в уголовном праве Англии и США.

Уголовное законодательство Англии, по-прежнему, не имеет кодифицированного акта, а также установленной законом классификации преступлений. Соответственно, говорить о преступлениях против собственности можно только лишь на основании доктрины и отдельных законодательных актах, регулирующих то или иное преступление против собственности. В настоящее время система английского уголовного законодательства содержится в отдельных прецедентах и иных источниках права, систематизируются в виде законов.

Отношения собственности в английском уголовном праве находятся под защитой, как прецедентов, так и норм статутного права. Среди наиболее известных и значимых следует отметить такие законы, как Законов о краже 1968 и 1976 гг., Закона о преступном причинении вреда имуществу 1971 г., Закона о преступлениях обманного характера 2006 г. Данные акты весьма критично оцениваются в английской научной литературе. Так, по мнению ряда исследователей английский закон о воровстве сбивает с толку и в принципе проблематичен, что отражается и на практике его применения. Суд и комментаторы столкнулись с позицией, согласно которой присвоение должно иметь некоторый субъективный элемент и не может быть чисто объективным. Хотя субъективность традиционно ассоциируется с

виновностью, а не с поведением, утверждается, что некоторые действия могут быть субъективными, но все же фактическими и выступать в качестве причин для следствия. В этом исследователи видят противоречия. На основании названных актов можно выделить такую систему преступлений против собственности: кража, ограбление, бэрглэри, получение имущества путем обмана, вымогательство, преступления, связанные с украденным имуществом. К преступлениям против собственности относятся и компьютерные преступления, в отличие от аналогичных преступлений в праве США [17, с. 51].

Систему преступных деяний против собственности по английскому уголовному праву можно представить следующим образом:

- преступные деяния, направленные на незаконное изъятие и присвоение чужого имущества (кража, ограбление, берглэри, мошенничество, вымогательство);
- уничтожение или повреждение чужого имущества;
- иные преступления против собственности.

Английское уголовное право прошло достаточно долгий путь реформирования. Итогом работы комиссии по пересмотру уголовного законодательства стало издание актов, которые до настоящего времени распространяют свое правовое регулирование на общественные отношения. Это Закон о краже 1968 г. (Закон о краже 1978 г. имеет лишь ограниченное значение), Закон о преступном причинении вреда имуществу 1971 г. и Закон о преступлениях обманного характера 2006 г.

Большое значение имеет Закон 1968 г., который вводит понятие кражи и наказание за данное деяние. Примечательно, что закон не разделяет хищение в ночное и в дневное время, как это было в старом законодательстве.

Санкции за преступления против собственности подверглись существенным изменениям: расширены полномочия суда по субъективному

усмотрению при определении наказания для конкретного правонарушителя; установлен максимальный порог наказания [91, с. 38].

По мнению Ф.М. Решетникова, примечателен тот факт, что английскими юристами был учтен зарубежный опыт, в том числе и значительно отличающийся от традиционного английского законодательства. Это, бесспорно, было новым и достаточно симптоматичным явлением в развитии английской уголовно-правовой доктрины и законодательной практики [68, с. 70].

Некоторые исследователи проводили классификации не преступлений против собственности, а отдельные их виды, например, кражу. Классифицировать кражу личных данных по типам сложно, так как она включает в себя широкий спектр преступлений и связанных с ними проблем. Однако признанные мотивы кражи личных данных могут использоваться для построения простой типологии [92, с. 29; 93, с. 178].

Исследования показывают, что двумя доминирующими мотивами кражи личных данных являются финансовая выгода и сокрытие (истинной личности или преступления) [94, с. 581].

К числу преступлений против собственности по английскому уголовному праву также следует относить причинение ущерба имуществу и компьютерные преступления. Хотя напрямую законодатель их таковыми не называет [95, с. 38].

Американское законодательство формировалось под влиянием английского права и до сих пор содержит некоторые его черты. Характерной особенностью является существование некоторых значимых отличий от английского уголовного права в части понимания преступлений против собственности, к примеру, деление краж, берглэри и ограблений на посягательства различных степеней, иная трактовка других имущественных преступлений.

Уголовное законодательство США отличается тем, что в США существует 53 правовые системы, которые имеют свои особенности,

поскольку формировались под влиянием различных субъективных и объективных обстоятельств. Это касается и вопросов ответственности за преступления против собственности [65, с. 50].

Вместе с тем, по мнению ряда зарубежных исследователей, благодаря Примерному УК наметилась тенденция к единообразным нормам об ответственности за преступления против собственности. Это, например, нашло отражение в конструировании «консолидированного» состава хищения, который включает многочисленные разновидности краж, унаследованных от английского общего права [94, с. 581].

Примерный УК предлагает посягательства на имущество сгруппировать следующим образом: поджог, преступное причинение ущерба и иные виды уничтожения имущества (разд. 220); берглэри и иные виды преступного вторжения (разд. 221); ограбление (разд. 222); хищение и близкие к нему посягательства (разд. 223); подлог документа и обманные приемы — *forgery and fraudulent practices* (разд. 224).

Приведенная классификация действует не во всех штатах. Так, к примеру, в Уголовном кодексе штата Нью-Йорк классификация преступлений против собственности следующая:

- преступления, связанные с причинением вреда имуществу в связи с проникновением в него,
- хищения,
- обман.

Так или иначе, влияние Примерного УК прослеживается [65, с. 437].

В некоторых штатах (например, Иллинойс) преступления против собственности на законодательном уровне вообще никак не сгруппированы.

Что же касается классификации, приведенной в федеральном законодательстве, то по нашему мнению, она недостаточно четко распределяет группы преступлений, не способствует их уяснению и пониманию. Особенностью является группировка норм в алфавитном порядке, что существенно усложняет задачу правоприменителю.

Для характеристики понятия и видов преступлений против собственности романо-германской правовой семьи рассмотрим уголовное законодательство Федеративной Республики Германия.

В Германии уголовное законодательство кодифицировано. Преступления против собственности содержатся в разделах 19-22 Уголовного кодекса. Среди видов преступлений против собственности выделяются следующие:

- присвоение имущества и кража;
- вымогательство и разбой;
- пособничество и приобретение добытого преступным путем имущества;
- мошенничество и злоупотребление доверием.

Как мы видим, в законодательстве Германии в основе классификации преступлений против собственности лежит способ посягательства. Вместе с тем, следует отметить, что в германском законодательстве не содержится такой способ совершения преступления против собственности, как грабеж. Также особенностью германского законодательства является то, что для квалификации деяния не важен размер преступного посягательства, а только состав преступления.

Что же касается понятия категории «преступления против собственности», то германское законодательство, также как и российское, такого термина не содержит. Для квалификации тех или иных преступлений судам следует установить предусмотренные законом признаки деяния.

Существенной особенностью видов преступлений против собственности по законодательству Германии является то, что их структура отличается от ряда стран романо-германской правовой семьи. Так, исследователи выделяют такие виды преступлений против собственности:

- преступления против собственности и отдельных имущественных благ;

- имущественные преступные деяния, направленные против имущества лица в целом.

При составлении УК ФРГ данное подразделение отразилось в структуре Общей и Особенной части. Системностью данные признаки не отличаются. Выделение разделов связано, скорее, с частотой совершения деяний. Так, наиболее популярным преступлением против собственности является кража, а также присвоение имущества. В разд. 20 (§ 249-256) объединены посягательства на собственность и имущество по виду посягательства (насилие и угроза его применения). В разд. 21 (§ 257-262) включены преступные деяния, которые, с одной стороны, посягают на собственность или имущество, а с другой – затрагивают государственные интересы и являются своеобразным видом присоединяющейся преступной деятельности. В разд. 22 (§ 263-266) содержатся исключительно имущественные преступные деяния, в разд. 27 (§ 303-305) - преступные деяния против собственности (повреждение имущества). В разд. 25 (§ 284-297) собраны как имущественные преступные деяния, так и деликты против различных абсолютных прав [94, с. 96].

Итак, в германском законодательстве уголовно-правовая защита осуществляется в отношении прав субъекта как собственника. Полагаем, данный подход связан с оценкой собственности как юридической категории, а не как экономической, хотя экономическую составляющую собственности невозможно отрицать.

Однако не только собственность защищается германским законодательством, но и все абсолютные права. К таким абсолютным правам следует относить, например, охрану от браконьерства и незаконной ловли рыбы. Данные нормы не систематизированы в законодательстве.

Уголовный кодекс ФРГ подразделяет преступления против собственности в зависимости от характера посягательства. Так, в законодательстве выделяются мошенничество, вымогательство,

вымогательство с применением насилия, злоупотребление доверием, ростовщичество (в т.ч. с использованием неведения лица) [43, с. 31].

Правовое регулирование отношений собственности в Китае достаточно обширное в виду существования в Китае социалистической системы экономики. Это означает, что особым образом охраняется и защищается социалистическая, коллективная собственность. Только с 80-х годов 20 века стали исследоваться вопросы частной собственности, был признан факт, что частная собственность является составляющим звеном китайской экономики, а соответственно, частная собственность должна охраняться также, как и общественная, что нашло свое отражение в УК КНР.

Так, в соответствии со ст. 91, 92 УК КНР выделяется частная собственность и коллективная. Под частной собственностью понимается имущество граждан и юридических лиц. Под общественной собственностью – коллективное имущество, имущество государства, активы для развития социальных программ [30, с. 177]. Следует отметить, что посягательства на общественную собственность наказываются более строгими наказаниями, преступлений против общественной собственности в УК КНР значительно больше.

Отличительной чертой правового регулирования преступлений против собственности в Китае является то, что к источникам китайского уголовного права относятся акты официального толкования норм права, которые издают Верховный суд и Верховная прокуратура.

Еще одной особенностью является отсутствие кодификации административных правонарушений, что приводит к уголовному наказанию даже за незначительные преступления против собственности.

Все преступления против собственности размещены в главе 5 УК КНР. Следует отметить, что юридическая техника УК КНР такова, что в законе не содержится определения основных понятий преступлений против собственности (кража, мошенничество и т.д.). Помимо этого, статьям

присвоен лишь порядковый номер, без названия по диспозиции. Это в некоторой степени усложняет процесс восприятия уголовно-правовых норм.

Систему преступлений против собственности можно представить следующим образом:

- завладение имуществом с насилием или без (данная группа преступлений включает в себя вымогательство, грабеж);
- хищение в виде мошенничества, присвоения и растраты;
- специальные составы преступлений: незаконные действия в отношении имущества, на которое наложен арест;
- преступления, связанные с уничтожением или повреждением имущества [46, с. 191].

По нашему мнению, неточность ряда оценочных признаков является существенным недостатком уголовно-правового регулирования преступлений против собственности. Так, к примеру, при оценке размера ущерба от кражи в законодательстве содержится формулировка «сравнительно крупный размер». На данные обстоятельства ссылаются и в зарубежной литературе [74, с. 51].

Для оценки таких категорий правоприменителю необходимо обратиться к актам официального толкования норм уголовного закона, которые вправе издавать Верховный суд и Верховная прокуратура. Так, в разъяснении № 10-2013 Верховного народного Суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР указывается, что сравнительно крупным размером при совершении вымогательства признается имущество в размере от 2000 до 5000 юаней, в крупном размере – стоимость от 30 тыс. до 100 тыс. юаней; особо крупный ущерб оценивается в размере от 300 тыс. до полумиллиона юаней. Данный подход обоснован существующими различиями в развитии тех или иных регионов.

Следует отметить также, что общая тенденция ответственности за преступления против собственности, как и в большинстве стран, в Китае зависит от дополнительных объектов преступления (жизнь, здоровье).

Именно поэтому наиболее строгое наказание грозит преступнику за совершение грабежа, сопряженного с насилием.

Таким образом, в Китае существует кодифицированное уголовное законодательство в виде Уголовного кодекса КНР. Вместе с тем, у суда и прокуратуры есть право издавать акты официального толкования, что снижает количество вносимых в закон поправок и изменений. Поскольку право Китая развивалось под влиянием конфуцианства и социализма, данный аспект нашел отражение в правовых нормах, регулирующих преступления против собственности. Особенности выделения преступлений против собственности связаны с разной квалификацией деяний в зависимости от сумм ущерба, что является основой для выделения преступлений против собственности и преступлений против общественной безопасности. Вместе с тем, общественная опасность тех или иных деяний, критерии крупного и особо крупного размера зависят от развития провинции, в которой было совершено преступление против собственности.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что подходы к понятию и системе преступлений против собственности в разных странах имеют свои особенности, связанные главным образом с историческими факторами и отнесению стран к той или иной правовой семье. В настоящем параграфе были рассмотрены особенности преступлений против собственности по уголовному праву зарубежных стран, в том числе была проанализирована система преступлений против собственности по уголовному праву Англии, США, ФРГ и КНР. Данный анализ необходим для наиболее полного и системного определения понятия и видов преступлений против собственности в российском уголовном праве, уяснения его характерных черт и некоторых проблем.

Глава 2 Проблемы квалификации преступлений против собственности, связанных с хищением чужого имущества

2.1 Проблемы квалификации ненасильственных форм хищения

В 1 Главе настоящего исследования нами были рассмотрены классификации преступлений против собственности. Основной классификацией данной группы преступлений является деление на преступления, связанные и не связанные с хищением. Преступления, связанные с хищением, традиционно делятся на насильственные и ненасильственные.

Ненасильственные формы хищения включают в себя такие составы преступлений, как кражу, мошенничество, присвоение и растрата. Несмотря на то, что в науке анализ данных преступлений представлен достаточно подробно, при квалификации на практике зачастую остаются определенные проблемы.

Для выявления проблем квалификации ненасильственных форм хищения необходимо проанализировать отдельные ненасильственные преступления против собственности, связанные с хищением. Наиболее распространенным преступлением является кража. Кража относится к ненасильственным формам хищения.

Согласно ч. 1 ст. 158 УК РФ, кражей является тайное хищение чужого имущества. Для характеристики кражи необходимо обратиться к особенностям данного состава преступления [15, с. 85].

При квалификации кражи правоприменитель зачастую сталкивается с рядом проблем, которые выражаются в следующем:

- выявление критерия «тайности» хищения;
- момент окончания деяния;
- размеры ущерба, учитывая как объективные размеры хищения, так и субъективные.

Обращаясь к первой из указанных проблем, следует отметить, что тайность включает в себя объективные и субъективные признаки. Так, для того, чтобы уяснить их содержание, необходимо обратиться к Постановлению Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором указано, что тайным признается совершение хищения:

- в отсутствии иных лиц;
- в присутствии потерпевшего либо иных лиц, однако незаметно для них;
- в присутствии посторонних, не понимающих противоправность действий или понимающих, но оставивших без внимания ситуацию, в том числе из-за родства с лицом, совершающим преступное посягательство.

По нашему мнению, субъективный критерий играет при квалификации хищений решающую роль. Другими словами, оценивается вина, направленность умысла субъекта преступления.

Момент окончания кражи представляет собой достаточно сложный для определения критерий отнесения состава преступления к краже.

Несмотря на тот факт, что в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» представлена официальная позиция по вопросу момента окончания кражи, необходимо обратить внимание на некоторые теоретические аспекты проблемы. Так, в соответствии с указанным Постановлением момент окончания преступного посягательства непосредственно связан с моментом, когда у субъекта преступления появилась реальная возможность распоряжаться имуществом [62].

Заслуживает внимания позиция Х.Д. Аликперова. Так, по его мнению, если субъекту преступления не предстоит совершать каких-либо дополнительных действий помимо кражи, преодолевать какие-либо препятствия, то кражу следует считать оконченной с момента фактического

изъятия имущества; в противном случае момент окончания кражи может быть достаточно длительным, определить его невозможно. К таким кражам, по мнению данного автора, следует относить карманные кражи, кражи в общественном месте. При этом целесообразность выявлять момент, когда субъект преступления имел возможность распоряжаться имуществом, отсутствует [3, с. 42].

Другие исследователи, придерживаясь противоположного мнения, соглашаются с официальной позицией [39, с. 46].

Таким образом, официальная позиция по данному вопросу, которая поддерживается практикой, отражена в п. 6 вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного суда РФ, однако и она не является бесспорной и общепризнанной. Полагаю, для решения данной проблемы следует внести дополнения в УК РФ, дополнить ст. 158 УК РФ примечанием о моменте окончания преступления.

Следующим распространенным ненасильственным хищением является мошенничество. Специфика предмета мошенничества выражается в том, что им может быть как само имущество, так и права на имущество. Уголовный закон предусматривает способы совершения мошенничества – обман или злоупотребление доверием. В науке уголовного права определение понятий «обман» и «злоупотребление доверием» вызывает споры.

Как уже было отмечено, предмет мошенничества включает в свою структуру две составляющие: имущество и право на имущество. Категория «право на имущество» неоднозначно расценивается исследователями. Для правоприменителя квалификация мошенничества в отношении права на имущество также вызывает особые трудности.

Так, документы, которые предусматривают право на то или иное имущество зачастую становятся предметом преступлений против собственности, особенно мошенничества. В данном случае моментом окончания преступного посягательства является момент получения

субъектом преступления такого документа, независимо от получения им имущества, указанного в документе.

На основании данного признака выделяются две относительно самостоятельные формы данного деяния, которые выражаются в хищении и мошенничестве, связанным с приобретением права. Данные составы различаются по признаку предмета и объективной стороны. Предметом мошенничества как хищения может являться только движимое имущество, что отличает его от приобретения права, которое возможно и в отношении недвижимого имущества.

Итак, спецификой мошенничества как приобретения права является совершение действий, направленных на приобретение прав на имущество, а не на завладение. Это означает, что в данном случае относить мошенничество как приобретение права к хищениям нельзя [41, с. 42].

Таким образом, из текста диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ следует, что мошенничество может быть совершено в двух альтернативных формах:

- хищение, путем обмана или злоупотребления доверием;
- приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

В механизме преступной деятельности данные формы по-разному проявляют себя. Так, если рассматривать мошенничество, совершенное в форме хищения, то такое деяние соответствует признакам хищения в целом, имея такое последствие, как имущественный ущерб. Что же касается приобретения права на имущество, то оно, не являясь хищением, как правило не содержит некоторых его признаков. Например, нет процесса изъятия, ущерб не всегда присутствует даже в результате завладения имущественными правами.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что мошенничество-хищение имеет материальный состав и считается оконченным с момента начала посягательства. Что же касается второй формы мошенничества, то оно считается оконченным с момента, когда

преступник приобрел право на чужое имущество вне зависимости от самого имущества.

Важной особенностью при квалификации мошенничества является то, что происходит непосредственный контакт субъекта преступления с потерпевшим, что делает процесс передачи имущества или имущественного права внешне добровольным. При этом характер воздействия не физический, действия не всегда направлены на хищение, а способ связан с обманом или злоупотреблением доверием. Мошенник стремится убедить потерпевшего в законности оснований своих действий [41, с. 49].

Рассмотрим способы совершения мошенничества, являющиеся второй значимой особенностью данного деяния.

При квалификации мошенничества нередко возникает проблема с определением способа совершения данного деяния, их соотношении и различиях. Обман имеет целью добиться того, чтобы передача имущества внешне отвечала признакам добровольности. Обман осуществляется в форме психологического воздействия на потерпевшего, сообщение ему заведомо неверных сведений. Что же касается злоупотребления доверием, то его целью также выступает внешне добровольная передача имущества или имущественных прав, но не посредством сообщения заведомо ложных сведений, а посредством манипулирования сознанием лица, с которым субъект преступления имеет доверительные или близкие отношения.

Приходится констатировать, что в настоящее время по-прежнему нет единой позиции в правоприменительной практике на квалификацию деяния, содержащего признаки мошенничества.

При квалификации преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, необходимо помнить, что данная статья объединяет хотя и близкие по составу, но все же различные и самостоятельные виды хищения – присвоение и растрату. В теории и практике дано назрел вопрос об их отграничении. Дополнительную трудность вызывает предмет преступления, который должен обладать особыми свойствами. Предмет преступления должен быть

вверен субъекту преступления на определенных правовых основаниях. Итак, рассмотрим указанные проблемы.

Под присвоением в науке уголовного права традиционно понимается установление незаконного владения над вверенным имуществом, противоречащее нормам права. Под растратой понимается безвозмездное отчуждение или потребление вверенного имущества, противоречащее нормам права. Понятия «присвоение» и «растрата» в науке трактуются достаточно однозначно [42, с. 49].

Однако при разграничении данных форм хищения нередко возникают проблемы. Так, в частности, некоторые исследователи считают, что между присвоением и растратой имеется причинно-следственная связь, поскольку для того, чтобы растратить вверенное имущество, его сначала следует присвоить.

Существует точка зрения, в соответствии с которой «чаще всего присвоение является первоначальным этапом растраты, ибо, прежде чем отчуждать или потреблять имущество, его необходимо обособить. Однако присвоение, как самостоятельная форма хищения может иметь место в том случае, когда обособленное удерживаемое имущество на момент возбуждения уголовного дела имеется в натуральном виде, может быть изъято у преступника и возвращено собственнику. Растрата в судебной практике вменяется в том случае, когда на момент расследования уголовного дела имущества у виновного нет и собственнику может быть компенсирована только его стоимость» [42, с. 51].

Большое количество неоднозначных трактовок присвоения и растраты обусловлено нормами действующего законодательства. Так, согласно ст. 160 УК РФ растрата представляет собой одно из последствий присвоения. Это означает, что растрата является одновременно и последствием присвоения, и самостоятельным составом преступления, содержащего признаки хищения. Деяние следует квалифицировать как растрату только в том случае, когда между присвоением и растратой нет временного промежутка, то есть

отсутствует фактическое владение вещью субъектом преступления. Вместе с тем, руководствоваться данным суждением следует далеко не всегда, поскольку растрата имущества не всегда происходит в один момент, может характеризоваться длительностью.

Момент окончания рассматриваемого деяния должен решаться по-разному в зависимости от его формы: присвоение оканчивается моментом фактического изъятия имущества и присоединения его к имуществу виновного, а растрата – с момента отчуждения или употребления.

Нередко возникает проблема с определением факта растраты. В этой связи логичнее говорить о том, что у виновного в момент обнаружения хищения имеется или отсутствует имущество. Необходимость в определении факта неправомерного завладения имуществом субъектом преступления отсутствует, важно лишь то, что оно в данное время неправомерно находится у другого лица.

В качестве субъекта присвоения и растраты всегда выступают лица, которые в силу возложенных на них обязанностей, договора, службы обладают вверенным имуществом в целях управления, распоряжения, хранения и т.д. Таким образом, субъект присвоения и растраты всегда специальный. Вверение имущества заключается в передаче законным владельцем имущества другому лицу для осуществления последним определенных законом, договором, контрактом распорядительных действий в отношении имущества. Данные выводы подтверждает судебная практика. Так, в Автозаводской районный суд г. Тольятти вынес обвинительный приговор, в соответствии с которым лицо совершило мошенничество в сфере компьютерной информации с использованием своего служебного положения. Вместе с тем, Самарский областной суд данное решение отменил и направил дело на новое рассмотрение, поскольку усмотрел в совершенном деянии признаки присвоения и растраты, которые выразились в том, что обвиняемый сначала путем модификации информации получил доступ к лицевым счетам

абонентов, а после присвоил денежные средства с этих лицевых счетов на свой [64].

В науке достаточно большое внимание уделено вопросу привлечения к ответственности по ст. 160 УК РФ за присвоение и растрату имущества, взятого в прокат. В данном случае необходимо обратиться к субъективной стороне деяния. Так, если умысел на совершение завладения имуществом, взятым в прокат, сформировался до момента фактического получения такого имущества субъектом преступления, то такие действия следует квалифицировать как мошенничество. Однако на практике сделать это весьма сложно, поскольку необходимо установить умысел лица. Следует подчеркнуть, что простой факт передачи имущества не означает его вверения и возможности применить ст. 160 УК РФ. Таким случаем будет, например, передача сырья, прокат имущества. Вверение всегда предполагает свободу распоряжаться имуществом определенным образом в зависимости от закона, договора, устава и т.д.

По мнению И.О. Селиванова, субъект преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, должен получить определенные полномочия в отношении конкретного имущества только от собственника.

Вместе с тем, очевидно, что если речь идет о присвоении и растрате в рамках властных отношений, корпоративных отношений и т.д., то субъектам преступления становится управомоченное законом, договором, уставом, контрактом и т.д. лицо [70, с. 53].

В соответствии с действующей редакцией ст. 160 УК РФ, к уголовной ответственности должны привлекаться только те лица, которые произвели присвоение и растрату вверенного им имущества. Полагаем, данный подход не вполне верен. Связано это с тем, что в ряде случаев субъект преступления может быть не один, а несколько, причем подразделяются они в зависимости от степени участия в совершаемом деянии (непосредственное и опосредованное присвоение). Это распространяется на случаи, когда деяние, фактически, совершает одно лицо (например, материально-ответственное),

однако действует оно по указанию другого (лица, которое в силу служебного положения, закона, договора, устава дает обязательные указания первому).

В этой связи заслуживает внимания позиция Б.В. Волженкина, замечаящего, «если по-прежнему считать вверенным только то имущество, которое находилось во владении лица, то остается вне уголовно-правовой оценки значительное число случаев, когда виновный с использованием своего служебного положения противоправно и безвозмездно завладевает чужим имуществом, не находившимся в его непосредственном владении, не прибегая при этом к обману и злоупотреблению доверием. Это было бы неправильно. Поэтому целесообразно закрепить понятие вверенного имущества (путем корректировки постановления Пленума Верховного суда РФ) и признать таковым имущество, которое находится не только во владении, но и в оперативном управлении лица (директора, управляющего, заведующего магазином, начальника цеха и т.п.)» [70, с. 227].

В действующем Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» понятие вверения не формулируется. В нем имеется лишь указание на то, что исполнителем присвоения или растраты может являться только лицо, которому чужое имущество было вверено юридическим или физическим лицом на законном основании с определенной целью либо для определенной деятельности.

Ю.В. Сеночкин считает, что «имущество может быть вверено виновному по любым основаниям, лишь бы лицо, вверившее имущество виновному, наделило последнего правомочиями по распоряжению, управлению, доставке или хранению вверенного имущества» [71, с. 67].

Полагаем, данное положение не предусматривает основания для квалификации как хищения вверенного имущества. Также необходимо ограничивать случаи, когда лицо не владеет имуществом, а лишь имеет доступ к имуществу.

Полагаем, следует согласиться с мнением Г.В. Вериной, которая указывает на то, что если имущество во владение передано не было на определенных основаниях, а за ним просто попросили присмотреть, то хищение такого имущества образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 158 УК [21, с. 113]. Если же обратиться к гражданскому законодательству, то в соответствии со ст. ст. 886 ГК РФ под хранением понимается договор, в силу которого одно лицо обязано хранить вещь, которую передало ему другое лицо (поклажедатель) на хранение. Обязанностью хранителя выступает возвратить вещь поклажедателю в сохранности.

Итак, по нашему мнению отсутствие в законодательстве понятия «вверение» негативно сказывается на состоянии правоприменения. По нашему мнению, данные понятия следует включить в уголовный закон (например, в примечание к ст. 160 УК РФ).

Таким образом, в ходе анализа преступлений против собственности, связанных с ненасильственными формами хищения, были выявлены проблемы квалификации ряда составов. Так, при квалификации рассмотренных деяний необходимо уяснить момент начала и окончания посягательства, определить субъекта преступления, отграничить от смежных составов. В параграфе сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства, в частности, предлагается включить в уголовный закон понятия «присвоение», «растрата», «вверение».

2.2 Проблемы квалификации насильственных форм хищения

К подгруппе насильственных преступлений, связанных с хищением традиционно относят наиболее опасные преступления, сопряженные с посягательствами на личность.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного суда от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»,

грабеж представляет собой хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет. Разбоем же признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Однако, несмотря на отличия этих двух составов, на практике возникают спорные вопросы квалификации содеянного как грабежа или как разбоя. К примеру, в случаях совершения открытого хищения чужого имущества преступником выражается угроза в неопределенной форме, что может привести к ошибочной оценке характера угроз. К примеру, фразой «отдавай деньги, а то тебе хуже будет», не высказывается прямое намерение причинить вред здоровью потерпевшему, применить насилие, опасное для жизни и здоровья, при этом, не демонстрируя оружия или иных предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия. В указанном случае необходимо учитывать степень субъективного восприятия потерпевшим характера угроз, однако не стоит забывать о возможности доказывания намерения у субъекта преступления применить насилие опасное для жизни и здоровья, в случаях, когда не демонстрировалось оружие или предметы, используемые в качестве оружия.

Кроме этого, как указывает Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в данном случае необходимо учитывать весь спектр обстоятельств совершенного преступления: место, время совершения преступления, количество нападавших лиц, характер предметов, которыми угрожали потерпевшему, совершение конкретных демонстративных действий, характеризующих намерение применить насилие. Таким образом, граница между опасным и не опасным для жизни и здоровья, является очень

размытой, необходим полный анализ возникшей обстановки совершенного деяния.

Что же касается квалификации грабежа, то его неотъемлемой составляющей является применение насилия, не опасного для жизни и здоровья. В частности, к таким формам насилия относится удержание, запираение, связывание и т.д. На практике нередко возникает проблема квалификации «перехода» кражи в грабеж, что во многом связано с тем, что среди квалифицирующих признаков грабежа отсутствует такой признак, как «совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем», а в квалифицирующих признаках кражи такой состав есть.

При квалификации грабежа ключевое значение имеет только признак открытости. Вместе с тем, по мнению автора выпускной квалификационной работы, есть необходимость в том, чтобы дополнить грабеж квалифицирующим признаком «совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем» для того, чтобы ужесточить ответственность за подобный состав. Таким образом, предлагаем изменить законодательную формулировку квалификации открытого хищения чужого имущества и изложить п. «д» ч. 2 ст. 161 УК РФ в следующей редакции: «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившейся при потерпевшем».

На практике возникают проблемы, связанные с отграничением ст.161 УК РФ от ст. 162 УК РФ. Основная проблематика заключается в оценке квалифицирующих признаков этих составов и субъективном восприятии угрозы со стороны потерпевшего [89, с. 119].

Если же рассматривать отграничение насильственного грабежа от разбоя, то следует помнить, что в данных составах имеет место дополнительный объект посягательства – здоровье и неприкосновенность личности. Кроме того, разбой всегда предполагает нападение, у потерпевшего есть реальные основания полагать, что в отношении него будет применено насилие.

Насильственный грабеж по своему составу предполагает применение насилия в отношении потерпевшего. Вместе с тем, здоровье и личная неприкосновенность в данном случае не составляют дополнительного объекта посягательства. Таким образом, насилие в данном случае характеризуется как «не опасное». Итак, ключевым фактором разграничения данных составов является не насилие само по себе, а его опасность для потерпевшего. Ст. 161 УК РФ, в отличие от ст. 160 УК РФ, имеет квалифицирующий признак, что говорит о том, что такое преступление, как грабеж, всегда насильственное [89, с. 202]. В данном аспекте всегда встает вопрос о вреде здоровью, а также субъективном отношении потерпевшего к преступному посягательству. Вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п. (п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29).

Следует отметить, что зачастую при квалификации насильственных преступлений судьи также руководствуются степенью опасности для здоровья потерпевшего, что подтверждается материалами судебной практики [56]. Полагаю, данный подход вполне верный, однако соотношение грабежа и разбоя следует уточнить.

По нашему мнению, разбой и насильственный грабеж тождественны по объекту преступления, поэтому следует любое нападение причислять к статье 162 УК РФ.

При квалификации разбоя и грабежа следует помнить об их различии по объективной стороне преступления:

- для разбоя характерно нападение, угроза посягательства на жизнь и здоровье, что не характерно для грабежа, хотя и может присутствовать;
- при совершении разбоя насилие опасно для жизни и здоровья потерпевшего, в отличие от грабежа, характеризующегося неопасным насилием;
- грабеж считается оконченным с момента изъятия имущества, разбой – с момента нападения [75, с. 24].

Итак, по нашему мнению, насильственный грабеж следует считать нападением, поскольку он предполагает действия насильственного характера. Однако, придерживаясь такого подхода, возникает другая проблема – отграничение насильственного грабежа от разбоя опирается лишь на субъективную оценку потерпевшего. Так, если фактически причинен вред здоровью не был, то квалификация деяния зависит от оценки потерпевшего [25, с. 49].

По нашему мнению, любое посягательство, связанное с применением насилия, следует относить к разбою вне зависимости от фактической реализации угрозы, поскольку так или иначе насильственные нападения отражаются на психике потерпевших.

Такая категория, как «нападение», весьма спорна. Степень тяжести последствия такого посягательства, существующие уголовно-правовые нормы не отражают.

По нашему мнению, ст. 162 УК РФ необходимо сформулировать в следующем виде: «Разбой – это открытое хищение чужого имущества, путем нападения, сопряженного с применением насилия или угрозой применения насилия, а равно угрозой причинения смерти потерпевшему».

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. №29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в п.23 имеется очень важное положение:

Если лицо лишь демонстрировало оружие или угрожало заведомо негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия, например макетом пистолета, игрушечным кинжалом и т.п., не намереваясь использовать эти предметы для причинения телесных повреждений, опасных для жизни или здоровья, его действия (при отсутствии других отягчающих обстоятельств) с учетом конкретных обстоятельств дела следует квалифицировать как разбой, ответственность за который предусмотрена частью первой статьи 162 УК РФ, либо как грабеж, если потерпевший понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием либо имитацией оружия.

Таким образом, мы замечаем, что грабеж может быть совершен с применением предметов, используемых в качестве оружия.

Но большое значение имеет субъективное отношение потерпевшего к данному случаю. Если потерпевший не понимал, что ему угрожают негодным или незаряженным оружием, то содеянное будет квалифицировано как разбой.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в п. 23 имеется следующее положение: в случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой.

Если с той же целью в организм потерпевшего введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием.

Свойства и характер действия веществ, примененных при совершении указанных преступлений, могут быть при необходимости установлены с помощью соответствующего специалиста либо экспертным путем.

Данное положение тоже очень интересно с точки зрения отграничения грабежа от разбоя. Проблема заключается в том, что данное положение противоречит диспозиции ч. 1 ст.161 УК РФ, т.е. грабеж – это открытое хищение чужого имущества, где объективный критерий открытого способа состоит в том, что хищение совершается в присутствии потерпевшего (собственника или законного владельца имущества) или лиц, посторонних для виновного.

Субъективный критерий открытого способа означает осознание виновным того, что он совершает именно открытое изъятие и (или) обращение чужого имущества.

По нашему мнению, сам факт осознания такого деяния представляется важной характеристикой для определения степени опасности деяния.

Однако данное Постановление, фактически, исключает субъективный критерий тайности хищения, что порождает противоречие, которое выражается в том, что субъект преступления совершает нападение с целью открытого хищения.

И снова мы сталкиваемся с проблемой выяснения общественно опасного деяния: насильственный грабеж – это нападение или открытое хищение? По мнению автора, как уже отмечалось, насильственный грабеж – это нападение, поэтому необходимо исключить п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ.

По нашему мнению, от такого признака, как «вещество, не опасное для жизни и здоровья» также следует отказаться, поскольку преступник никогда не может знать наверняка последствия введения того или иного препарата для потерпевшего.

Такое насилие не может считаться не опасным для жизни и здоровья, поскольку всегда предполагает безразличное отношение преступника к судьбе потерпевшего [25, с. 3].

В заключение необходимо отметить, что для решения проблемы отграничения составов грабежа от разбоя, необходимо произвести оценку содеянного по объективной стороне.

Данное замечание связано с достаточно «размытой» формулировкой, касающейся субъективного отношения лица к происходящему.

Угрозу применить насилие всегда следует оценивать как реальную. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в момент посягательства потерпевший не может анализировать реальность такой угрозы, физическая угроза кажется ему реальной.

Такое деяние переходит в категорию тяжких и, по нашему мнению, должно квалифицироваться как разбой.

По нашему мнению, необходимо изменить диспозиции статьи 162 УК РФ и исключения п. «г» ч. 2 ст. 161 из УК РФ, позволив приобрести истинную сущность грабежу и разбою в рамках главы 21 УК РФ.

Нами предлагается следующая формулировка статьи 162 УК РФ: «Разбой, т.е. открытое хищение чужого имущества, путем нападения, сопряженного с применением насилия или угрозой применения насилия, а равно угрозой причинения смерти потерпевшему».

Глава 3 Проблемы квалификации преступлений против собственности, не связанных с хищением чужого имущества

3.1 Проблемы квалификации вымогательства

В настоящее время в процессе квалификации некоторых преступлений против собственности возникают некоторые трудности при квалификации такого деяния, как вымогательство. Под вымогательством следует понимать требование субъекта преступления к потерпевшему совершить определенные действия, передать имущество. При этом вымогатель угрожает потерпевшему либо применением насилия, либо распространением позорящих потерпевшего сведений, либо повреждением (полным уничтожением) определенного его имущества.

Следует отметить, что ранее в законодательстве не были описаны способы совершения вымогательства, предмет преступного посягательства, что характеризовалось как недостаток, неточность в законодательстве.

В настоящее время предмет вымогательства достаточно четко обозначен в действующих нормах. Итак, к предметам вымогательства следует относить:

- определенные имущественные блага (имущество), которое не принадлежит субъекту вымогательства, а принадлежит лицу, в отношении которого он осуществляет свое посягательство (таким имуществом могут быть деньги, драгоценности, ценные бумаги, определенные вещи и т.д.);
- совокупность имущественных прав потерпевшего (например, обязательственные права, право требовать, исключительные права, право распоряжаться определенным имуществом, осуществлять определенные полномочия и т.д.);
- действия имущественного характера, которые напрямую не связаны с переходом вещных или обязательственных прав, но выражаются в

обязанности потерпевшего осуществить определенные действия в отношении вымогателя (например, совершить определенные действия, воздержаться от их совершения, выполнить работы, оказать услуги и т.д.).

Потерпевшим по делам о вымогательстве может быть не только собственник или иной титульный владелец вещи. Потерпевшим следует признать еще и фактического обладателя вещи в момент преступного посягательства. К такой категории потерпевших можно отнести работника, который в силу возложенных на него обязанностей или полномочий имеет доступ к имуществу (например, осуществляет его транспортировку).

Немаловажным вопросом является определение категории «близкие потерпевшего». Важно это для квалификации вымогательства, при котором вымогатель угрожает распространением позорящих лица или его близких сведений.

Судебная практика приводит перечень лиц, которые могут считаться близкими потерпевшему:

- супруг (супруга);
- близкие и иные родственники;
- лица, состоящих в свойстве с потерпевшим;
- лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений.

В Постановлении ВС РФ «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) суд также уточняет, что к сведениям, позорящим потерпевшего или его близких, следует относить сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию – это может быть, например, информация о совершении этими лицами правонарушения или аморального поступка. При этом совершенно неважно, соответствуют ли эти сведения действительности, а к сведениям, распространение которых может причинить существенный

вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, ВС РФ отнес данные, составляющие охраняемую законом тайну.

Необходимо помнить о том, что если в процессе вымогательства субъект преступления распространяет заведомо ложные сведения, разглашает предусмотренные законом тайны, распространяет сведения о личной жизни потерпевшего, то данные деяния будут квалифицированы по совокупности. Так, в зависимости от характера распространяемых сведений, лицо может нести ответственность по совокупности со ст. 128.1 УК РФ («Клевета»), ст. 137 УК РФ («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), ст. 155 УК РФ («Разглашение тайны усыновления (удочерения)») и ст. 183 УК РФ («Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну»).

Для целей настоящего исследования нами будут рассмотрены отдельные вопросы квалификации вымогательства, представляющие наибольшую трудность для правоприменения.

Вымогательство по своей сущности является многообъектным преступлением, в котором наряду с основным объектом (имущественные отношения) всегда присутствует дополнительный объект. Обязательным дополнительным объектом вымогательства выступают разнообразные права, свободы и законные интересы личности: здоровье (соматическое и/или психическое) человека, физическая (телесная) неприкосновенность, свобода, честь и достоинство личности, доброе имя, деловая репутация гражданина и юридического лица, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и др. Из анализа судебной практики следует, что трудности при квалификации вымогательства возникают из-за многообъектности данного деяния [4].

На квалификацию содеянного существенным образом влияет факт реальности причинения вреда дополнительным объектам преступления. Вместе с тем, в случае квалификации вымогательства, которое сопряжено с похищением, взятием в заложники, незаконным лишением свободы и т.д.

необходимо квалифицировать такое деяние по совокупности преступлений [6, с. 42]. Связано это с особой общественной опасностью совершенных деяний, разным объектом посягательства, поскольку вымогательство относится к преступлениям против собственности, а вышеперечисленные деяния – к преступлениям против личности.

Если вымогательство сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, вызвавших физическую боль, а также с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, истязанием, то такие действия виновного следует квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 163 УК как вымогательство, совершенное с применением насилия, без дополнительной квалификации по ст.ст. 112, 115, 116 или 117 УК.

В случае же умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему содеянное квалифицируется по п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ, не требуя дополнительной квалификации по ст. 111 УК.

Аналогичное положение относительно вымогательства, которое повлекло за собой причинение смерти. Данное деяние нуждается в дополнительной квалификации, поскольку само по себе вымогательство направлено на имущество. Так, если при вымогательстве причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего повлекло по неосторожности его смерть, содеянное следует расценивать как совокупность преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 163 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК. Вымогательство, сопряженное с убийством, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 163 и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [3].

Особую трудность при квалификации вымогательства представляют случаи, когда нормальные гражданско-правовые отношения ошибочно принимаю за вымогательство; и напротив, когда преступник, совершающий вымогательство, старается выдать свое деяние за гражданско-правовые отношения.

Это обуславливает необходимость провести отграничение правомерного поведения, регламентированного гражданским законодательством (в широком смысле слова) от вымогательства. Так, к примеру, требование кредитора о возврате ему денежных средств, начисление пени и штрафов являются правомерными и соответствуют нормам гражданского законодательства. В том случае, если кредитор угрожает должнику, данное деяние не может быть квалифицировано как вымогательство, поскольку кредитор имеет законные основания на получение имущества. Однако степень реальности угрозы, ее характер в любом случае следует оценить правоприменителю, поскольку такие действия кредитора могут нарушать другие статьи УК РФ. Например, в случае высказывания угроз должнику относительно возврата имущества, которое реально было ему передано по гражданско-правовому договору, кредитор нарушает ст. 330 УК РФ и должен быть привлечен к ответственности за самоуправство. Однако если кредитор в процессе высказывания таких угроз принуждает должника передать ему то имущество, на которое он не имеет право, то такое деяние следует квалифицировать как совершение вымогательства.

Итак, для того, чтобы привлечь к ответственности за вымогательство, действия лица, совершающего вымогательство, должны быть противоправными, поскольку зачастую т.н. «вымогательство» на самом деле им не является, а является законным имущественным требованием, соответствующим нормам гражданского законодательства; или не соответствует нормам законодательства, но и вымогательством не является.

При оценке угрозы совершения вымогательства нередко возникают определенные проблемы у правоприменителя. Необходимо помнить, что вымогательская угроза в ряде случаев является вполне реальной несмотря на ее отложенный характер. В этой связи ключевое значение будет играть то обстоятельство, что последствия вымогательства могут быть реальными для

потерпевшего, у него есть основания опасаться наступления неблагоприятных последствий.

Судебная практика знает случаи, когда преступник, действуя с целью вымогательства, параллельно угрожает потерпевшему применением насилия в будущем, однако понимая неэффективность таких угроз приступает к насилию в процессе вымогательства [3]. Данные действия влияют и на квалификацию деяния. Необходимо определить реальность данной угрозы, а также соответствие высказанной угрозы реальному применению насилия, причем реальное насилие может быть как в большем по сравнению с угрозой объеме, так и в меньшем. В том же случае, когда высказанная угроза совпадает с фактической, имеет место квалификация вымогательства как вымогательства с применением насилия, то есть по квалифицирующему признаку. Вместе с тем, при отказе выполнить требование преступника, если такой отказ привел к совершению насилия, то в данном случае будет иметь место совокупность преступлений.

Итак, необходимо установить реальность осуществления угрозы применения того или иного способа при совершении вымогательства. Угроза совершить вымогательство может быть выражена как в применении насилия в отношении потерпевшего, так и в совершении насилия относительно близких ему лиц, угрозе распространения позорящих сведений.

Оценка категории «позорящих сведений» в науке представляется неоднозначной. Необходимо отметить, что такие сведения должны наносить вред потерпевшему. Однако далеко не все сведения относятся к категории «позорящих» даже при совершении вымогательства [67, с. 54]. Примером таких сведений является распространение реально существующих фактов о потерпевшем или его близких. Смысл же вымогательства и угрозы при совершении вымогательства заключается в том, чтобы принудить потерпевшего к совершению определенных действий, передачи имущества и т.д. под страхом угрозы распространения определенного рода информации, которая может негативным образом сказаться на социальной жизни человека.

Полагаем, что угроза распространения реальных сведений является объективной стороной совершения вымогательства. Вместе с тем, в настоящее время формулировка ст. 163 УК РФ такие сведения не относит к категории позорящих, поскольку считается, что такие сведения не приносят вред потерпевшему [63, с. 83]. Другим немаловажным моментом при определении угрозы вымогательства является то, что сами по себе сведения не могут нанести вред пострадавшему или его близким. Вред могут нанести последствия распространения таких сведений, которые могут и не наступить. Вместе с тем, распространение сведений о совершенном потерпевшим преступлении нередко признается судебной практикой угрозой совершения вымогательства.

Необходимо подробнее рассмотреть проблему отграничения состава вымогательства согласно ст. 163 УК РФ от иных преступлений, содержащих признаки вымогательства. Речь идет о таких преступлениях, как предусмотренные ст.ст. 221, 226, 229 УК РФ. Основным различием является предмет преступного посягательства. Однако не только по предмету следует отграничивать такие деяния, но и по цели, поскольку характерной корыстной целью обладает только деяния, предусмотренное ст. 163 УК РФ [80, с. 40].

Данный признак отсутствует у других деяний, сопряженных с вымогательством. Более того, для всех квалифицирующих признаков преступления, предусмотренного ст. ст. 163 УК РФ, корыстная цель не является типичной. Именно поэтому при квалификации вымогательства неверно относить все перечисленные деяния к одной конструкции, в которой предмет выступает в качестве отягчающего обстоятельства.

Решая вопрос об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, сопровождаемого насилием, ВС РФ рекомендовал судам учитывать следующее:

- при грабеже и разбое насилие является средством завладения или удержания имущества, а при вымогательстве оно подкрепляет высказанную преступником угрозу;

- при грабеже и разбое завладение имуществом происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем.

Моментом окончания вымогательства является донесение до потерпевшего требования и угрозы субъектом преступления, при этом состав данного деяния формальный, значение фактического исполнения требований в данном случае не имеет.

С другой стороны, при квалификации вымогательства в крупном и особо крупном размере возникают определенные трудности в определении момента окончания посягательства, что связано с различиями в трактовке «крупного» и «особо крупного» размера.

По мнению одних исследователей, «вымогательство в крупном размере трактуется так же, как при любой форме хищения... Особо крупный размер должен ограничиваться лишь стоимостью требуемого имущества, поскольку в п. «б» ч. 3 ст. 163 УК речь идет не о факте, а о цели получения имущества в особо крупном размере, достижение или недостижение которой, как и при разбое, никоим образом не сказывается на квалификации деяния» [75, с. 197].

Таким образом, если вымогательство совершено в крупном размере, то состав данного деяния будет материальным, а преступление считается оконченным с момента реального получения вымогаемой суммы, но больше 250 тысяч рублей, как предусмотрено УК РФ. Вместе с тем, вымогательство в особо крупном размере квалифицируется иначе и зависит от требования имущественного характера с угрозой. Однако не все исследователи поддерживают данную точку зрения: «Достаточно установить, что умыслом виновного охватывалось посягательство: на имущество; право на имущество; действия имущественного характера, эквивалентные суммам, превышающим 250 тыс. руб. (для вменения крупного размера) и 1 млн руб. (для вменения особо крупного размера)» [73, с. 181].

Верховный Суд РФ рекомендовал считать вымогательство «совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает стоимость, указанную в пункте 4 примечания к статье 158 УК РФ». На наш взгляд, такое решение высшей судебной инстанции вполне обоснованно. На мой взгляд, это весьма взвешенное судебное разъяснение.

3.2 Проблемы квалификации угона

Квалификация угона вызывает значительные сложности в связи с существующей проблемой разграничения неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством (угон) и хищения (чаще всего в форме кражи). Верховный суд Российской Федерации выразил свою правовую позицию по данному вопросу в Постановлении Пленума от 19.12.2008г. № 25 [51].

В науке и перед законодателем многократно вставал вопрос о дальнейшей судьбе нормы, регламентирующей угон транспортных средств. В 2018 году Правовое управление Государственной думы отклонило законопроект о декриминализации угона.

Непосредственным объектом хищений и угона являются общественные отношения собственности. Предмет в данном случае также совпадает – теоретически им может быть любое транспортное средство, которым завладевает преступник.

Однако следует отметить, что в правоприменительной практике завладение некоторыми транспортными средствами (например, трамвай, комбайн, каток и т. п.) вряд ли можно квалифицировать как хищение ввиду их узкоспециального предназначения.

Проблемы в разграничении названных преступлений заключаются в том, что объективная сторона угона не содержит отличительных признаков данного состава преступления от хищения транспортного средства. Угон от кражи транспортного средства не всегда можно отграничить. Это связано с двояким пониманием термина «угон». С одной стороны, угон представляет собой самостоятельный состав преступления, с другой же стороны – способ изъятия имущества. Другими словами, под видом угона зачастую совершаются именно хищения транспортных средств. Однако квалификация таких деяний происходит по ст. 166 УК РФ, чем значительно уменьшается наказание субъектов преступления.

Некоторые исследователи предлагают в качестве критерия отграничения хищения транспортного средства от угона ввести критерий длительности эксплуатации транспортного средства. По нашему мнению, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что такой подход не решит проблему, так как создаст условия для объективного вменения. Это еще больше усугубит правовое регулирование угона, нарушив ряд принципов уголовного законодательства, в том числе и принцип вины.

Л.Р. Аветисян предлагает для решения проблемы изложить диспозицию статьи 166 УК РФ как «Противоправное завладение автомобилем или иным транспортным средством» [1, с. 139].

Автор считает, что данное разграничение способствует отграничению угона от иных корыстных преступлений против собственности.

Однако если обратиться к сопоставлению ст. ст. 158 и 166 УК РФ, то следует признать, что объективные признаки данных деяний между собой не имеют различий. Различия заключаются лишь в субъективных признаках данных преступлений.

При совершении угона субъективная сторона выражается в прямом умысле, поскольку лицо, совершающее деяние, знает, что завладение автомобилем незаконно, желает совершить это деяние вопреки воле собственника. Однако цель деяния не связана с извлечением выгоды,

обращением в свою пользу имущества. Намерение преступника выражается в его желании временно завладеть транспортным средством, например, с целью поездки куда-либо.

С другой же стороны, по объективным признакам хищения от угона разграничить весьма сложно, что проявляется, в том числе, в идентичности момента окончания преступного посягательства. Так, если преступник, совершивший угон, получил реальную возможность распорядиться транспортным средством и запланировал это сделать, но по объективным обстоятельствам ему воспрепятствовали, то такое деяние следует квалифицировать как угон, что является недостатком действующего регулирования [44, с. 38].

Верховный суд указал, что покушение на угон – действия по взлому, попытке включить двигатель, незаконно проникнуть в автомобиль и т.д. При хищении транспортного средства преступник действует тем же образом. Именно поэтому ключевое значение имеет направленность умысла преступника. Однако в ситуации, когда большое доказательственное значение имеют показания самого преступника, становится очевидным, что он будет делать все для того, чтобы избежать или хотя бы уменьшить ответственность.

Вместе с тем, законодатель, предусматривая ответственность за угон и за кражу, оценивает опасность посягательств весьма непоследовательно. Так, ч. 2 ст. 158 УК РФ с квалифицирующим признаком «группа лиц по предварительному сговору» предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет, а ч. 2 ст. 166 УК РФ с аналогичным квалифицирующим признаком – до 7 лет.

Материалами судебной практики подтверждается то, что при разграничении угона и хищения транспортного средства в большинстве случаев правоприменитель исходит из того, что субъект преступления планировал совершить именно кражу транспортного средства. Однако, как

уже было отмечено ранее, полная декриминализация состава преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ, в настоящее время невозможна.

Вызывает сомнение позиция Верховного Суда РФ по поводу предмета статьи 166 УК РФ. Так, в пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также их неправомерным завладением без цели хищения», под иными транспортными средствами, за угон которых без цели хищения предусмотрена уголовная ответственность по статье 166 УК РФ, понимаются катера и моторные лодки.

Согласно современному законодательству, водительское удостоверение на право управления маломерным судном необходимо получать в Государственной Инспекции по Маломерным Суднам России для управления гидроциклом, мотолодкой, катером, парусным судном. Также не все маломерные суда необходимо регистрировать [44, с. 19]. Все это свидетельствует о том, что катера, моторные лодки и т.д. могут быть предметом кражи транспортного средства, но не предметом угона. По нашему мнению, к предмету угона следует относить только механический автотранспорт. Данное положение необходимо закрепить в законе, изложив ч. 1 ст. 166 УК РФ в следующей редакции: «1. Неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством без цели хищения (угон) -....»

Отграничение угона автомобиля или иного транспортного средства от их хищения следует осуществлять путем тщательного исследования целей и мотивов. Мотивами угона могут служить корысть, месть, озорство, любознательность, желание добраться до определенного места, доставить груз, пренебрежение к общественным стандартам, этническая неприязнь, угон с целью совершения другого более тяжкого преступления и т. д. Как правило, при совершении преступления из перечисленных выше побуждений и мотивов, преступник оставляет угнанные транспортные средства, что

облегчает квалификацию угона. Также о необходимости квалификации преступления по ст. 166 УК РФ свидетельствует внезапно возникший умысел и способ совершения (преступники не применяют специальных средств ля угона).

По мнению некоторых авторов, даже если Пленум назовет «объективные данные», которые должны учитываться при квалификации соответствующих преступных деяний, в которых фигурирует транспортное средство, не решит проблему по существу [49, с. 40].

Бесспорно, на долю ст. 166 УК РФ «остаются только случаи временного пользования чужим транспортным средством с последующим добровольным возвращением его собственнику («временное позаимствование»). Установить же цель угона, является ли завладение временным или необратимым, пока завладение автомобилем еще не завершено, бывает достаточно сложно. Решению этой задачи способствовала бы корректировка диспозиции ч. 1. ст. 166 УК» [24, с. 79].

Для нивелирования проблем квалификации угона предлагаем дополнить ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком «кража транспортного средства», либо ввести новую статью «Хищение автомобиля или иного транспортного средства», которую необходимо включить в гл. 21 «Преступления против собственности». Данный вывод обусловлен необходимостью отграничения угона от кражи автотранспорта, поскольку на практике определить направленность умысла преступника крайне сложно.

Дополнительную сложность придает «переход» угона в хищение транспортного средства. Очевидно, что совершение такого деяния, как хищение автотранспорта, должно быть квалифицировано как более тяжкое деяние по сравнению с угоном, поскольку может повлечь незаконное отчуждение собственности. Полагаем также, что квалификация хищения автотранспорта должна подчиняться общим правилам и иметь схожую конструкцию с кражей. Так, к примеру, более строгие санкции должны быть

предусмотрены за хищение автомобиля группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, за значительную сумму ущерба и т.д.

Итак, угон имеет ряд общих черт с хищением, более того, объективная сторона данных деяний зачастую совершается похожим образом, что затрудняет процесс квалификации преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Основное различие хищения и угона заключается в субъективной стороне, а именно в цели и направленности умысла преступника. При хищении происходит изъятие чужого имущества навсегда, при угоне – временное завладение таким имуществом. Обязательным признаком при квалификации угона является наличие или отсутствие умысла обратить имущество в свою пользу. По нашему мнению, в действующем законодательстве при формулировке ст. 166 УК РФ существуют некоторые неточности.

Так, для решения проблем квалификации предлагается изложить ч. 1 ст. 166 УК РФ в следующей редакции: «1. Неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством без цели хищения (угон) -....». Необходимо это для обозначения предмета угона.

Что же касается отграничения угона от простой кражи, то для нивелирования проблем квалификации угона в работе предлагается дополнить ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком «кража транспортного средства», либо ввести новую статью «Хищение автомобиля или иного транспортного средства», которую необходимо включить в гл. 21 «Преступления против собственности». Данный вывод обусловлен необходимостью отграничения угона от кражи автотранспорта, поскольку на практике определить направленность умысла преступника крайне сложно. Дополнительную сложность придает «переход» угона в хищение транспортного средства. Вместе с тем, очевидно, что совершение такого деяния, как хищение автотранспорта, должно быть квалифицировано как более тяжкое деяние по сравнению с угоном, поскольку может повлечь незаконное отчуждение собственности. Полагаю также, что квалификация

хищения автотранспорта должна подчиняться общим правилам и иметь схожую конструкцию с кражей. Так, к примеру, более строгие санкции должны быть предусмотрены за хищение автомобиля группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, за значительную сумму ущерба и т.д.

3.3 Проблемы квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием

При квалификации причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием существуют определенные проблемы, которые будут рассмотрены в настоящем параграфе. Особую трудность вызывает отграничение причинения имущественного ущерба от иных составов преступлений, предусмотренных УК РФ, в виду схожести между ними по различным признакам составов.

Так, от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием необходимо отграничивать составы ст.ст. 159, 160, 176, 177, 198, 199, 201, 285 УК РФ. Признаки данных посягательств значительно похожи на причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Рассмотрим сходства данных деяний.

В первую очередь необходимо рассмотреть проблему отграничения причинения имущественного ущерба от хищения. Так, для данного разграничения необходимо решить вопрос о степени обогащения лица, совершившего причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. При причинении имущественного ущерба у потерпевшего всегда возникает имущественный ущерб или упущенная выгода. Помимо этого, при совершении причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием права на чужое имущество или само имущество не приобретаются субъектом преступления. По данному признаку причинение имущественного ущерба путем обмана или

злоупотребления доверием отличается и от составов мошенничества [29, с. 79].

По нашему мнению, необходимо согласиться с позицией тех исследователей, которые выделяют общие признаки причинения имущественного ущерба и мошенничества по следующим критериям: объект преступного посягательства (оба преступления являются преступлениями против собственности); оба преступления корыстные и означают убытки для потерпевшего; сходный способ совершения деяний – обман и злоупотребление доверием. Более того, по ранее действующему УК РСФСР мошенничество предполагало изъятие денежных средств из фондов собственника, а также получение субъектом преступления иных выгод, приобретение прав. Именно поэтому ст. 165 УК РФ носит «мошеннический» характер, но выделена в отдельный состав преступления.

Разграничение мошенничества и причинения имущественного ущерба следует проводить по критерию предмета. Так предметом причинения имущественного ущерба может быть не только реальное имущество, но и упущенная выгода, в отличие от мошенничества, в котором ущерб потерпевшему наносится непосредственный, то есть собственник теряет определенное имущество или имущественные права. Также следует отметить, что при совершении мошенничества выгода всегда определяется фактической стоимостью изъятого имущества, в отличие от причинения имущественного ущерба, при котором не всегда уменьшается реальное имущество потерпевшего.

При совершении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием всегда имеет место непосредственное и незаконное пользование чужим имуществом. То же происходит и при завладении транспортным средством без цели хищения [5, с. 42].

Рассмотрим соотношение данных составов. Так, следует отметить, что при совершении угона автомобиля умысел направлен не на извлечение выгоды, а на временное пользование автомобилем. И то, и другое

преступления имеют черты противоправности, субъекты преступлений действуют вопреки воле законного владельца.

В силу п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» под неправомерным завладением транспортным средством без цели хищения (статья 166 УК РФ) понимается завладение чужим автомобилем или другим транспортным средством (угон) и поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям. Неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения является окончанным преступлением с момента начала движения транспортного средства либо перемещения транспортного средства с места, на котором оно находилось. Таким образом, угон и причинение имущественного ущерба субъективно совершаются только с прямым умыслом, направлены против собственности иных лиц, действуют вопреки их воле [46, с. 179].

Для разграничения угона и причинения имущественного ущерба следует обратиться к следующим критериям:

- Способ совершения преступления. Существует несколько способов совершения угона, в том числе с применением неопасного для жизни и здоровья насилия, принуждение водителя к управлению транспортным средством, с целью облегчить другое преступление; в отличии от обмана и злоупотребления доверием, которое совершается только названными способами.
- Момент наступления противоправных последствий. Так, при совершении угона причинение имущественного ущерба не требуется (кроме квалифицированного состава с крупным размером), в отличии от причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием.

- Цель совершения деяния для гона не является обязательной, в отличие от причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием.
- Субъектом причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, а при уgone возраст субъекта снижен – уголовная ответственность наступает с 14 лет.

Преступления в финансовой сфере также следует отграничивать от причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Речь идет о таких составах преступлений, как ст. 176 УК РФ – незаконное получение кредита, и ст. 185 УК РФ – злоупотребление при эмиссии ценных бумаг.

Критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 165 и 176 УК РФ, является:

- 1) объект преступления: объектом причинения имущественного ущерба являются отношения собственности; объектом незаконного получения кредита – экономические отношения банка или иного кредитора.
- 2) способ совершения преступления: причинение имущественного ущерба возможно путем обмана или злоупотребления доверием; незаконное получение кредита совершается путем сообщения банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, то есть только путем обмана.
- 3) субъективная сторона их совершения, а именно – направленность умысла:
 - при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, у лица имеется прямой умысел на совершение преступления, состоящий в причинении имущественного ущерба в виде упущенной выгоды;

- при незаконном получении кредита, умысел лица направлен на незаконное получение кредита или льготных условий кредитования, причинившее крупный ущерб собственнику имущества в виде невозвращения заемных денежных средств, неуплаты процентов. Такой ущерб может быть как реальным, так и в виде упущенной выгоды.

4) последствия совершения преступления – размер причиненного ущерба:

- при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, 53 обязательным последствием является причинение имущественного ущерба в крупном размере, который определяется исходя из стоимости имущества, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей (п. 4 Примечания к ст. 158 УК РФ);
- при незаконном получении кредита обязательным для квалификации действий лица по ст. 176 УК РФ является причинение крупного ущерба, который определяется исходя из стоимости, ущерба, дохода либо задолженности в сумме, превышающей два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей (Примечание к ст. 170.2 УК РФ).

При сравнении составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 165 и 185 УК РФ, следует их ограничивать:

- по содержанию объективной стороны: объективную сторону злоупотребления при эмиссии ценных бумаг могут составлять следующие деяния: внесение в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации; утверждение либо подтверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта или отчета (уведомления) об итогах выпуска ценных бумаг; размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск которых не прошел государственную регистрацию; содержание объективной стороны

причинения имущественного ущерба может составлять любое деяние, причинившее ущерб собственнику или иному титульному владельцу.

- последствия совершения преступления – размер причиненного ущерба: при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, обязательным последствием является причинение имущественного ущерба в крупном размере, который определяется исходя из стоимости имущества, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей (п. 4 Примечания к ст. 158 УК РФ); обязательным при злоупотреблении при эмиссии ценных бумаг, для квалификации действий лица по ст. 185 УК РФ является причинение крупного ущерба, который определяется исходя из ущерба, дохода в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей (Примечание к ст. 185 УК РФ).

Соотношение причинения имущественного ущерба с злоупотреблением должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), а также со служебным подлогом (ст. 292 УК РФ) следует проводить по субъективной стороне рассматриваемых преступлений. Указанные преступления всегда совершаются из корыстной или иной личной заинтересованности субъекта.

Таким образом, необходимо отметить, что при выявлении проблем причинения имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием необходимо, в первую очередь, отграничивать данное деяние от смежных составов, предусмотренных ст.ст. 159, 166, 176, 185, 201, 202, 285, 292, 194, 198, 199 УК РФ. Для причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием характерно то, что отсутствует признак изъятия и обращения имущества в свою пользу. Как правило, ущерб выражается в упущенной потерпевшем выгоде или уменьшении его имущества, но это не означает увеличения имущества у лица, совершившего данное деяние.

Заключение

В заключении необходимо отметить основные выводы и предложения, сформулированные в процессе написания выпускной квалификационной работы, целью которой было всестороннее исследование понятия и видов преступлений против собственности.

Итак, в настоящее время преступления против собственности в российском уголовном праве можно охарактеризовать как предусмотренные статьями гл. 21 УК РФ общественно опасные деяния (действия или бездействие), осуществляемые умышленно или по неосторожности, посягающие на чужую собственность и причиняющие материальный ущерб собственнику или иному владельцу материальных благ. Существует достаточно обширная классификация преступлений против собственности. Учитывая указанные критерии и особенности, предлагается следующая классификация преступлений против собственности: корыстные и некорыстные; корыстные, в свою очередь, делятся на связанные с незаконным обращением чужого имущества в пользу виновного или других лиц и не связанные с таким обращением. Именно такой подход должен быть положен в основу построения системы преступлений против собственности, поскольку такая классификация лучше всего отражает наличие факта завладения собственностью и способ реализации данного факта.

Подходы к понятию и системе преступлений против собственности в разных странах имеют свои особенности, связанные главным образом с историческими факторами и отношением стран к той или иной правовой семье. В настоящей выпускной квалификационной работе были рассмотрены особенности преступлений против собственности по уголовному праву зарубежных стран, в том числе была проанализирована система преступлений против собственности по уголовному праву Англии, США, ФРГ и КНР. Данный анализ необходим для наиболее полного и системного определения понятия и видов преступлений против собственности в

российском уголовном праве, уяснения его характерных черт и некоторых проблем.

Ненасильственные формы хищения включают в себя такие составы преступлений, как кражу, мошенничество, присвоение и растрата. Несмотря на то, что в науке анализ данных преступлений представлен достаточно подробно, при квалификации на практике зачастую остаются определенные проблемы. Так, в частности, в рамках данной выпускной квалификационной работы были рассмотрены такие проблемы, связанные с квалификацией кражи, как определение признака «тайность» в действиях виновного; момент признания преступления окончанным; определение размера ущерба, причиненного потерпевшему и другие вопросы. Несмотря на разъяснения Постановления Пленума по данным вопросам, следует согласиться с мнением исследователей, которые считают, что при оценке предусмотренных в нем критериев необходимо иметь в виду, что приоритет при определении признаков кражи должен быть отдан субъективному критерию, то есть, главным образом, умыслу преступника. Что же касается момента окончания кражи, то Пленум отметил, что «кража и грабеж считаются окончанными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению». Однако в некоторых случаях кражу следует трактовать как оконченную с момента изъятия имущества, поскольку субъекту преступления никто не препятствует распорядиться имуществом сразу после совершения кражи. Проблемы квалификации мошенничества связаны с предметом преступного посягательства, а также способами. Мошенничество может быть совершено в форме хищения чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, или в форме приобретения права на чужое имущество, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием. Мошенничество следует считать окончанным с момента наступления неблагоприятных последствий, поскольку сам состав материальный. Раскрывая вторую форму мошенничества, которое совершается в форме

приобретения права на чужое имущество, нужно вести речь о его формальном составе, который признается оконченным с момента совершения действий, а именно с возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным. В науке предлагается усиление ответственности за мошенничество. Полагаю, что данный подход не решит проблему, а только усложнит задачу правоприменителю, напротив, необходимо конкретизировать признаки мошенничества и его форм. Трудности при квалификации присвоения и растраты связаны, в том числе, и с разграничением присвоения и растраты. Большое количество неоднозначных трактовок присвоения и растраты обусловлено нормами действующего законодательства. Так, согласно ст. 160 УК РФ растрата представляет собой одно из последствий присвоения. Это означает, что растрата является одновременно и последствием присвоения, и самостоятельным составом преступления, содержащего признаки хищения. Деяние следует квалифицировать как растрату только в том случае, когда между присвоением и растратой нет временного промежутка, то есть отсутствует фактическое владение вещью субъектом преступления. Вместе с тем, руководствоваться данным суждением следует далеко не всегда, поскольку растрата имущества не всегда происходит в один момент, может характеризоваться длительностью. Момент окончания рассматриваемого деяния должен решаться по-разному в зависимости от его формы: присвоение оканчивается моментом фактического изъятия имущества и присоединения его к имуществу виновного, а растрата – с момента отчуждения или употребления. Нередко возникает проблема с определением факта растраты. В этой связи логичнее говорить о том, что у виновного в момент обнаружения хищения имеется или отсутствует имущество. Необходимость в определении факта неправомерного завладения имуществом субъектом преступления отсутствует, важно лишь то, что оно в данное время неправомерно находится у другого лица.

К подгруппе насильственных преступлений, связанных с хищением традиционно относят наиболее опасные преступления, сопряженные с посягательствами на личность. При квалификации грабежа ключевое значение имеет только признак открытости. Вместе с тем, по мнению автора выпускной квалификационной работы, есть необходимость в том, чтобы дополнить грабеж квалифицирующим признаком «совершенный из одежды, сумки или другой ручной клади, находящейся при потерпевшем» для того, чтобы ужесточить ответственность за подобный состав.

На практике возникают проблемы, связанные с отграничением ст.161 УК РФ от ст.162 УК РФ. Основная проблематика заключается в оценке квалифицирующих признаков этих составов и субъективном восприятии угрозы со стороны потерпевшего. Если же рассматривать отграничение насильственного грабежа от разбоя, то следует помнить, что в данных составах имеет место дополнительный объект посягательства – здоровье и неприкосновенность личности. Кроме того, разбой всегда предполагает нападение, у потерпевшего есть реальные основания полагать, что в отношении него будет применено насилие. Насильственный грабеж по своему составу предполагает применение насилия в отношении потерпевшего. Вместе с тем, здоровье и личная неприкосновенность в данном случае не составляют дополнительного объекта посягательства. Таким образом, насилие в данном случае характеризуется как «не опасное».

По нашему мнению, разбой и насильственный грабеж тождественны по объекту преступления, поэтому следует любое нападение причислять к статье 162 УК РФ.

При квалификации преступлений, не связанных с хищением, нами были рассмотрены проблемы квалификации вымогательства, угона, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Одна из типичных проблем при квалификации вымогательства вызвана отсутствием в основном составе вымогательства прямого указания на

корыстную цель. Мы предлагаем нормативно закрепить, в рамках основного состава вымогательства, указание на цель, имеющую строго корыстную направленность: Включение такого признака поможет избежать ошибок в квалификации. Отражение корыстной цели, как неотъемлемого свойства вымогательства, в совокупности с другими признаками, указывает на общественную опасность преступления. Кроме того, поможет в отграничении этого деяния от преступлений, сходных с вымогательством по объективным признакам.

Что же касается проблем квалификации угона, то угон имеет ряд общих черт с хищением, более того, объективная сторона данных деяний зачастую совершается похожим образом, что затрудняет процесс квалификации преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ. Основное различие хищения и угона заключается в субъективной стороне, а именно в цели и направленности умысла преступника. При хищении происходит изъятие чужого имущества навсегда, при угоне – временное завладение таким имуществом. Обязательным признаком при квалификации угона является наличие или отсутствие умысла обратить имущество в свою пользу. По нашему мнению, в действующем законодательстве при формулировке ст. 166 УК РФ существуют некоторые неточности. Так, для решения проблем квалификации предлагается изложить ч. 1 ст. 166 УК РФ в следующей редакции: «1. Неправомерное завладение автомобилем или иным механическим транспортным средством без цели хищения (угон) -....». Необходимо это для обозначения предмета угона. Что же касается отграничения угона от простой кражи, то для нивелирования проблем квалификации угона в работе предлагается дополнить ст. 158 УК РФ квалифицирующим признаком «кража транспортного средства», либо ввести новую статью «Хищение автомобиля или иного транспортного средства», которую необходимо включить в гл. 21 «Преступления против собственности». Данный вывод обусловлен необходимостью отграничения угона от кражи автотранспорта, поскольку на практике определить

направленность умысла преступника крайне сложно. Дополнительную сложность придает «переход» угона в хищение транспортного средства. Вместе с тем, очевидно, что совершение такого деяния, как хищение автотранспорта, должно быть квалифицировано как более тяжкое деяние по сравнению с угоном, поскольку может повлечь незаконное отчуждение собственности. Полагаю также, что квалификация хищения автотранспорта должна подчиняться общим правилам и иметь схожую конструкцию с кражей. Так, к примеру, более строгие санкции должны быть предусмотрены за хищение автомобиля группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, за значительную сумму ущерба и т.д.

В ходе анализа основных элементов состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ проведено соотношение и разграничение признаков причинения имущественного ущерба с иными составами преступлений, предусмотренными ст. ст. 159, 166, 176, 185, 201, 202, 285, 292, 194, 198, 199 УК РФ. В результате сравнения перечисленных составов преступлений установлено, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, без признаков хищения, не предусматривает признак изъятия и приобретения в свою пользу чужого имущества. Предметом преступления выступает имущество, которое еще не пополнило фонды собственника. Характер причиненного ущерба состоит в убытках в виде упущенной выгоды.

В заключении необходимо отметить, что преступления против собственности зачастую вызывают определенные трудности их квалификации на практике, что обусловлено, помимо прочего, недостатками действующего уголовно-правового законодательства. Существующие проблемы, связанные с определением понятия, видов, проблем квалификации преступлений против собственности оказывают влияние на правоприменительную деятельность. Вместе с тем, представляется возможным (и необходимым) преодолеть данные трудности.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аветисян, Л.Р. Неправомерное завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 244 с.
2. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. 187 с.
3. Аликулов А.М. Криминологическая характеристика преступлений против собственности. Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова // Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 39-43.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 августа 2015 г. № 48-АПУ15-33 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2015 г. № 20-АПУ15-1 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Бабушкина Е.А. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения // Вестник Томского Государственного Университета. № 356. 2012. С. 39-47.
7. Бавсун М.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С.2-5.
8. Бакрадзе А.А. Проблемы отграничения хищения предметов, имеющих особую ценность, от разбоя // Право: история, теория, практика. 2017. С. 128-131.
9. Барышева Е.А. Предмет причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения // Правовые проблемы укрепления российской государственности. № 4. 2009. С. 6-17.

10. Башков А.В. Сложные вопросы квалификации преступлений против собственности с учетом особенностей предмета //Российский юридический журнал. 2017. № 2. С. 150-159.
11. Безверхов А.Г. Некоторые вопросы квалификации мошенничества //Уголовное право. 2014. № 2. С. 8-14.
12. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Самара, 2015. 339 с.
13. Безверхов А.Г. Присвоение и растрата: эволюция норм и судебного толкования //Российская юстиция. 2008. № 9. С. 45-51.
14. Белик Ю.С. Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения: проблемы предмета, квалификации и профилактики (предупреждения). Екатеринбург, 2014. 217 с.
15. Бобраков И.А. Уголовное право России. Особенная часть: краткий курс лекций. Саратов : Вузовское образование, 2016. 221 с.
16. Богданчиков С.В. Противодействие преступным посягательствам на абсолютные права собственности (хищения). М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 127 с.
17. Богдановская И.Ю. Особенность систематизации в странах «общего права» //Право и политика. 2007. № 7. С. 48-51.
18. Боровиков В.Б. Уголовное право. Общая и Особенная части. М. : Юрайт, 2014. 161с.
19. Буданова Е.А., Буданов С.А. Проблемы квалификации хищения предметов, имеющих особую ценность // Государство и право. 2013. № 2. С. 154-157.
20. Буз С.И. Обман как способ совершения преступлений против собственности // Общество и право. 2017. № 4. С. 62-67.
21. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов, 2003, 336 с.
22. Векленко В.В. Квалификация хищений: Монография. Омск, 2007. 149 с.

23. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1998. №11.

24. Гайдук В.А. Виды и общая характеристика преступлений против собственности // Вестник Забайкальского государственного университета. 2007. № 2. С. 121-127.

25. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М., 2001. 120 с.

26. Голованова Н.А. Уголовное право Англии. М. : Издательство Юрайт, 2017. 188 с.

27. Грибунов О.П. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1. С. 76-82.

28. Грибунов О.П. Криминалистическая классификация преступлений против собственности, совершаемых на транспорте // ЮП. 2018. № 2. С. 76-82.

29. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) //Собрание законодательства РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

30. Дамаскин О.В. Современное состояние и развитие уголовного права Китайской Народной Республики //Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. № 3. С. 156-180.

31. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2005. 416 с.

32. Дорохина Ю.А. Особенности квалификации преступлений против собственности // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2015. № 3. С. 47-58.

33. Есаков Г.А. Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние. М. : Проспект, 2007. 736 с.
34. Жилкин М.Г. Понятие и классификация преступлений в сфере предпринимательской деятельности // Евразийская адвокатура. 2018. № 5. С. 38-45.
35. Иванова О.М. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективной стороны преступлений против собственности // Вестник УЮИ. 2016. № 2. С. 72-77.
36. Козочкин, И.Д. Уголовное право США. М. : Издательство Юрайт, 2017. 218 с.
37. Коимшиди Г.Ф., Литвинов А.А., Саркисян А.Ж. Преступления против собственности. Динамика и прогноз // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 83-91.
38. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /под ред. В.В. Малиновского. М., 2018. 182 с.
39. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации /под ред. А.И. Рарога. М., 2016. 201 с.
40. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
41. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) //Собрание законодательства Российской Федерации 2001. № 2. Ст. 163.
42. Кочои С.М. Преступления против собственности : учебное пособие для магистрантов. М. : Проспект, 2014. 88 с.
43. Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Юрайт, 2014. 665 с.

44. Ковалев М.В. Проблемы «корыстной цели» при квалификации преступлений против собственности // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 3. С. 18-29.

45. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 9-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 284 с.

46. Коробеев А.И., Чучаев А.И. Уголовный кодекс Китая: общая характеристика (к 20-летию со дня принятия) // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 151-199.

47. Коротков А. В., Еремина Н. В. К вопросу о предмете преступления против собственности // Царскосельские чтения. 2016. № 20. С. 99-107.

48. Кошаева Т.О. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 45-49.

49. Кудряшов А.В. Угон автотранспорта: предмет преступления и некоторые проблемы квалификации // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1. С. 37-39.

50. Кузнецов А.А. Отграничение мошенничества от смежных составов преступлений // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 26. С. 41-44.

51. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 181 с.

52. Мороз Д.Г. Причинение имущественного ущерба без признаков хищения как преступление против собственности. Минск : Бизнесофсет, 2016. 152 с.

53. Мурин Д.А. Виды прикосновенности к преступлениям против собственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 71-75.

54. Нескородов А.А. Формы хищения чужого имущества, ответственность и наказание за их совершение // Вестник ТГУ. 2010. № 2. С. 266-271.

55. Николаев К.Д. Совершенствование регламентации ответственности за преступления против собственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 6. С. 41-45.

56. Приговор РФ Гулькевического районного суда Краснодарского края от 07.08.2015г. № 1-234/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 24.02.2021).

57. Олейник П.В. О понятии предмета преступлений против собственности // Проблемы законности. 2015. № 12. С. 67-70.

58. Осадчая Н.Г. Некоторые проблемы применения наказаний за преступления против собственности // Философия права. 2015. № 4. С. 71-79.

59. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4.

60. Павлов П.В. Классификация преступлений против собственности// Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. 2018. С. 296-300.

61. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2018.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. 2003.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 5. 2008.

64. Постановление Самарского областного суда № 37/2019 44У-36/2019 4У-158/2019 4У-2792/2018 от 14 февраля 2019 г. по делу № 1-302/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BQVA47ppi71C/> (дата обращения: 10.01.2021г.).

65. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник / отв. ред. А.Я. Сухарев. М. : Норма, 2003. 976 с.

66. Рагозина И.Г. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности // Сибирское юридическое обозрение. 2016. № 2. С. 31-34.

67. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран. Просветительно-гуманистическое направление в уголовном праве. М., 1965. 71 с.

68. Решетников Ф.М. Буржуазное уголовное право – орудие защиты частной собственности. М., 1982. 70 с.

69. Сверчков В.В. Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: Учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 211 с.

70. Селиванов И.О. Присвоение или растрата: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. .канд. юрид. наук. Калининград, 2002. 35 с.

71. Сеночкин Ю.В. О субъектке присвоения и растраты (ст. 160 УК) // Научные труды РАЮН. Вып. 4. В трех томах. Том 2. М., 2004. С. 670-673.

72. Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954. 152 с.

73. Сердюк П.С. Спорные вопросы квалификации преступлений против собственности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 178-189.

74. Серебренникова А.В. Уголовное право Германии. М. : Издательство Юрайт, 2017. 124 с.

75. Сидоренко Э.Л. Некоторые вопросы квалификации хищений в свете последних изменений УК РФ // Мировой судья. 2017. № 3. С. 21-25.

76. Склярлов С.В. Квалификация преступлений против собственности с причинением значительного ущерба // Имущественные отношения в РФ. 2018. № 8. С. 203-210.

77. Степанова К.В. Информация как средство совершения преступлений против собственности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 54-61.

78. Сторублёнкова Е.Г., Ерин Е.Н. Статистическая характеристика преступлений против собственности // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 116-121.

79. Суханов Е.А. Вещное право. М. : Статут, 2017. 560 с.

80. Сычева Н.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 226 с.

81. Тенчов Э.С. Квалификация преступлений против собственности. Иваново, 1981. 81с.

82. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. Ст. 2146.

83. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2020)// Собрание законодательства РФ. 2001. № 24. Ст. 2182.

84. Уголовное право зарубежных стран (Особенная часть): учебно-методическое пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Малешина, А.В. Серебренникова. М. : Статут, 2019. 354 с.

85. Харламова А.А., Белик Ю.С. Особенности признаков объекта преступления, предусмотренного ст. 166 УК РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2. С. 192-198.

86. Хилюта В.В. Совместное совершение хищения группой лиц // Уголовное право. 2015. № 5. С. 127-130.

87. Хилюта В.В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М. : Юрлитинформ, 2014. 527 с.

88. Черных Е.Е. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: вопросы применения и совершенствования законодательства: дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2009. 200 с.

89. Шалагин А.Е., Гребенкин М.Ю. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 112-120.

90. Яни П.С. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за хищения // Законность. 2016. № 12. С. 37-41.

91. Identity Theft: Assessing the Problem and Efforts to Combat it. Government Printing Office. 2003. 75p.

92. Feldman N. The Voidness of Repugnant Statutes: Another Look at the Meaning of Marbury // Proceedings of the American Philosophical Society. 2014. № 1. P. 29-30.

93. Goodhart A.L. Case Law in England and America // Cornell Law Quarterly. 2010. № 2. P. 178-190.

94. Melissaris E. The Concept of Appropriation and the Offence of Theft // The Modern Law Review. 2007. № 4. P. 581-597.

95. Stephen J.F. A History of the Criminal Law. 2017. Vol. II. P. 214-215.